This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

SBORNIK V PAMTAT ... VIAZEMSKAGO
DK 219.6. V5. S15 v. 1

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

Князя Павла Петровича

ВЯЗЕМСКАГО

1902

Печатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества *Любителей* Древней Письменности.

Секретарь *П. Шефферъ*.

Типографія .И Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
I.	Статья графа С. Д. Шереметева.	1
II.	Письмо И. В. Помяловскаго.	6
III.	Н. П. Барсуковъ. Страничка біографіи князя Павла Петровича Вяземскаго.	8
IV.	Письмо Г. Ѳ. Штендмана.	11
V.	Хр. М. Лопаревъ. Мои первые шаги въ Обществѣ.	13
VI.	Статья П. Н. Тиханова.	24
VII.	Статья И. А. Шляпкина.	40
VIII.	Статья Н. В. Тимоѳеева.	49
IX.	Графъ С. Д. Шереметевъ. Воспоминанія о князѣ Павлѣ Петровичѣ Вяземскомъ . . .	59

I

Прошло 25 лѣтъ со дня основанія Общества Любителей Древней Письменности,—четверть вѣка. Оно возникло въ 1877 году

„Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ пламенномъ раздорѣ".

Война была въ полномъ разгарѣ, всѣ мысли были ею заняты, всѣ помышленія направлены были въ сторону дѣла разрушенія.

Еще въ 1876 году одиноко раздался отрезвляющій голосъ незабвеннаго ветерана 12-го года, раздался и замеръ...

Черезъ годъ, ему вослѣдъ, отвѣтилъ голосъ другого поколѣнія и вдохновляемый «Словомъ о Полку Игоревѣ» коснулся иныхъ струнъ. То былъ голосъ князя Павла Петровича Вяземскаго, который произнесъ слова: «Общество Любителей Древней Письменности»; они послужили отвѣтомъ и итогомъ дѣятельности цѣлой жизни. Извѣстная «объяснительная записка» легла въ основу Устава, задуманнаго широко и предусмотрительно. Странно прозвучалъ этотъ неожиданный призывъ для большинства. Многіе встрѣтили Общество ироническою улыбкой, многіе презрительнымъ невниманіемъ, иные ви-

дѣли въ немъ что-то въ родѣ затѣи, другіе—посягательство на чью-то неприкосновенность...

Что такое древняя Русская письменность? Да вѣдь у насъ «ничего» нѣтъ, думали иные, все началось съ Петра, а до него—бѣлый листъ! Возбужденіе Русскаго самопознанія? Къ чему оно? Да и время ли, когда всѣ помыслы направлены на упорную внѣшнюю борьбу... Это «юродство»—затѣвать подобное предпріятіе, да еще безъ наличныхъ ученыхъ, безъ достаточныхъ средствъ, безъ людей, безъ помѣщенія, что-то «любительское» — конечно, не серьезное, не патентованное, не исходящее изъ офиціальнаго источника, лишенное должнаго рукоположенія...

Такъ говорило большинство, большею частью равнодушное, такъ говорило и все ревнующее къ чужому начинанію, все, что признаетъ лишь свое главенство, свое руководительство.

Князь Павелъ Петровичъ обратился съ цѣлымъ рядомъ писемъ къ многимъ лицамъ, отъ которыхъ, какъ ему казалось, слѣдовало ожидать сочувствія и поддержки. Всѣ отвѣтили, но весьма разнообразно. Мнѣ кажется, что отвѣты эти должны бы подлежать огласкѣ: они послужили бы характеристикой писавшихъ и опредѣлили бы степень и глубину участія и сочувствія.

Первымъ откликнулся на призывъ графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринской: онъ былъ третьимъ членомъ-учредителемъ.

Драгоцѣнны отвѣтъ фельдмаршала князя Барятинскаго и его глубокое, просвѣщенное, неизмѣнное сочувствіе. Историкъ церкви митрополитъ Макарій быстро откликнулся полнымъ сочувствіемъ и тѣмъ живымъ отношеніемъ къ дѣлу, которое нынѣ можетъ казаться даже не вполнѣ понятнымъ.

Не задумался присоединиться къ Обществу и графъ С. Г. Строгановъ, что́ въ данномъ случаѣ можно почесть съ его стороны особой заслугой.

Почти одновременно вступилъ въ члены-основатели Общества маститый Тимоѳей Саввичъ Морозовъ, и вступленіе его, какъ представителя старообрядства, было знаменательно. Сочувствуя цѣлямъ Общества, онъ лично посѣтилъ его помѣщеніе и до конца жизни оставался его членомъ. Въ то же время въ члены-основатели вступили: Кіевскій митрополитъ Платонъ и представитель иного старообрядства—Е. С. Егоровъ. Сочетаніе всѣхъ этихъ именъ достаточно краснорѣчиво. Ими, однако, не ограничилось число членовъ-учредителей —вступили въ оные: Ѳ. Ѳ. Треповъ, Д. Ѳ. Кобеко, графъ Л. Ѳ. Фонъ-деръ-Паленъ, Г. Ѳ. Карповъ, графъ А. А. Мордвиновъ, Д. А. Столыпинъ, А. А. Половцовъ, П. И. Савваитовъ; вступилъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и др. Первыми же изъ числа членовъ-сотрудниковъ Общества были: Н. П. и А. П. Барсуковы, А. Е. Викторовъ, графъ В. И. Мусинъ-Пушкинъ, М. А. Гамазовъ и А. П. Крыжинъ. Горячо одобрялъ начинаніе уже больной тогда О. М. Бодянскій.

Покойный Императоръ Александръ III не особенно сочувствовалъ вообще тѣмъ частнымъ начинаніямъ, которыя въ концѣ концовъ приводили къ затратамъ отъ казны и ложились бременемъ на Государственное Казначейство. Вотъ почему, когда возникло наше Общество, Онъ первое время относился къ нему выжидательно. Когда же прошли года, и Общество продолжало жить своими средствами, то Онъ сталъ удостаивать его знаками особливаго вниманія и довѣрія.

Въ настоящее время, оглядываясь на пройденный 25-лѣтній путь, мы съ чувствомъ особаго удовлетворенія можемъ взирать на обширный списокъ исполненныхъ Обществомъ изда-

ній, между которыми не мало и весьма цѣнныхъ, равно и на тотъ фактъ, что за все время своего существованія ОбществоЛюбителей Древней Письменности не стоило казнѣ ни единаго рубля.

Продолжая и впредь свою самостоятельную дѣятельность и сохраняя неизмѣннымъ тотъ характеръ, который даетъ Обществу желанную возможность сохранить извѣстный «любительскій» оттѣнокъ, мы тѣмъ самымъ нисколько не умаляемъ научнаго значенія всей совокупности трудовъ, безвозмездно понесенныхъ на благое дѣло.

Всего дороже, конечно, для зарождающагося Общества было знаменательное сочувствіе къ нему, въ лицѣ чуткой ко всякому русскому начинанію, Императрицы Маріи Александровны. Она взяла наше Общество подъ Свое покровительство, уполномочивъ Своего секретаря П. А. Морица участвовать въ его засѣданіяхъ. Она отнеслась къ возникающему дѣлу не съ обычнымъ, офиціальнымъ сочувствіемъ, а съ живымъ, дѣйствительнымъ участіемъ, столь особенно цѣнимымъ и столь знаменательнымъ, когда оно нисходитъ съ высоты престола.

Первый камень начинающемуся зданію прочно положенъ Императрицею Маріею Александровною. За нею второй—принадлежитъ ея сыну, Цесаревичу, будущему Императору Александру III-му...

Помянемъ же Ихъ молитвенно и горячимъ словомъ благодарности, какъ равно и всѣхъ почившихъ сотрудниковъ и дѣятелей нашего Общества. Почтимъ признательною памятью и остающихся въ живыхъ свидѣтелей и участниковъ первыхъ начинаній его. Пожелаемъ дорогому нашему Обществу и впредь неизмѣннаго процвѣтанія; въ наступившемъ же нынѣ XX-мъ столѣтіи, своими трудами, изданіями и изслѣдованіями, да послужитъ оно къ непрерывному пробужденію того духа,

что́ положенъ въ основу всей дѣятельности Общества, вызваннаго къ жизни примѣромъ и трудами князя Павла Петровича Вяземскаго.

«Распространеніе положительныхъ свѣдѣній о духовной и гражданской жизни Русскаго народа»,—говоритъ онъ,—«несомнѣнно будетъ служить оплотомъ противу всегда вреднаго и тлетворнаго вліянія ложныхъ и мечтательныхъ ученій во имя произвольно измышленныхъ народныхъ интересовъ и стремленій».

Преемственность историческихъ и литературныхъ преданій, ярко отразившихся на почвѣ «Остафьева» и одухотворенныхъ знаменитою плеядою, въ лицѣ князя Павла Петровича окрѣпла струею «древне-русскою» и выдвинулась противовѣсомъ всяческой нетерпимости.

Начавшееся въ царствованіе Императора Александра II-го Общество наше нынѣ завершаетъ свое первое 25-ти-лѣтіе.

Оно имѣло счастіе видѣть въ своихъ стѣнахъ Цесаревича Николая Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II-го.

По стопамъ великаго Отца Своего Державный вождь земли Русской неуклонно ограждаетъ всякій трудъ, направляемый къ вящшему познанію и къ опредѣленному признанію вѣковыхъ заслугъ Россіи, какъ государства міроваго, стоящаго на знаменательной грани «между Европой и Азіей» и потому обладающаго ключомъ къ разъясненію многихъ важныхъ вопросовъ въ исторіи человѣчества и противоположныхъ умственныхъ движеній съ Востока на Западъ и обратно...

„Да плодъ воздастъ благое сѣмя—
Чья не посѣй его рука!
Богъ въ помощь Вамъ, младое племя,
И вамъ—грядущіе вѣка!“

Г. С. Шереметевъ.

II

Милостивый Государь

Графъ Сергій Дмитріевичъ.

Спѣшу доложить Вашему Сіятельству о томъ, что я не особенно богатъ воспоминаніями о времени моего непродолжительнаго секретарства въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности. Тѣмъ не менѣе время этого секретарства остается у меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей дѣятельности. Я живо припоминаю тѣ утра, которыя я посвящалъ занятіямъ въ этомъ Обществѣ въ сотрудничествѣ съ П. Н. Тихановымъ и Хр. М. Лопаревымъ. Мы усердно занимались разборомъ великолѣпной библіотеки Общества, его рукописей и старопечатныхъ изданій. За время моего секретарства припоминаю свои работы по разбору собранія рукописей и автографовъ В. В. Григорьева, М. Н. Муравьева и др. Эти работы были въ высшей степени для меня поучительны, потому что ввели меня въ знакомство съ массою документовъ и памятниковъ нашего недалекаго прошлаго. Припоминаю также и тѣ часы, которые я проводилъ за разсмотрѣніемъ интереснѣйшихъ новыхъ пріобрѣтеній, которыя предлагались Обществу для покупки различными антикваріями, между которыми первое мѣсто принадлежало покойному ста-

рику Шибанову, нерѣдко посѣщавшему Общество и обмѣнивавшему свои пріобрѣтенія на дублеты изданій Общества. Среди этихъ занятій время проходило совершенно незамѣтно. Изрѣдка посѣщалъ насъ покойный князь Павелъ Петровичъ, уже болѣвшій тогда недугомъ, сведшимъ его въ могилу; бесѣда съ нимъ была весьма поучительна, и я съ удовольствіемъ припоминаю то содѣйствіе, которое оказывалъ онъ моему, тогда готовившемуся къ изданію, труду по публикаціи житія Св. Саввы. Вотъ то немногое, что я могу сообщить Вашему Сіятельству въ отвѣтъ на любезное письмо Ваше. Прошу прощенія въ томъ, что припоминанія мои очень блѣдны и малосодержательны; другіе могутъ написать болѣе интересно, я же долженъ ограничиться только высказаннымъ и увѣрить Ваше Сіятельство въ отличномъ моемъ уваженіи и преданности, съ каковыми имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

И. Помяловскій.

17 Августа
1901 г.

III.

Страничка біографіи князя Павла Петровича Вяземскаго.

Съ 1868 по 1875 годъ князь Павелъ Петровичъ трудился надъ новымъ изданіемъ своего сочиненія, подъ заглавіемъ «Замѣчанія на Слово о Плъку Игоревѣ». Вѣнцомъ этихъ трудовъ князя Павла Петровича было, какъ извѣстно, Императорское Общество Любителей Древней Письменности, учрежденное имъ въ 1877 году.

Въ этотъ періодъ своей жизни князь Павелъ Петровичъ подарилъ мнѣ одиннадцать томовъ «Общаго Церковно Словено-Россійскаго Словаря», составленнаго П. С. (Спб., 1834 г.), съ вплетенными въ него листами бѣлой бумаги, и на наружной сторонѣ переплета сдѣлалъ слѣдующую надпись:

«Николаю Платоновичу

Барсукову

отъ Павла Вяземскаго.

23 Іюня 1869 года. С.-Петербургъ».

«Приносимые Вамъ мною въ даръ XI томовъ служили мнѣ въ Царьградѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, складочнымъ мѣстомъ для помѣщенія въ азбучномъ порядкѣ всего того, что я находилъ подходящимъ для объясненія «Слова о

полку Игоревѣ», а также и реченій темныхъ. Подобный порядокъ много способствуетъ для разъясненія темныхъ мѣстъ въ филологическомъ, а также историческомъ отношеніи. По извлеченіи остальныхъ замѣтокъ, не вошедшихъ въ изданіе «Московскаго Временника», прошу Васъ, въ память Вашихъ усилій для побужденія меня къ новому изданію, принять этотъ сосудъ для пополненія его живыми и мертвыми струями Русской рѣчи, для пользы Вашей и для пользы Русскаго самопознанія, которое больно плохо, какъ основательно и убѣдительно говоритъ Кавелинъ».

Въ 1875 году князь Павелъ Петровичъ выпустилъ въ свѣтъ свои «Замѣчанія». Великолѣпный, въ сафьяномъ переплетѣ и златообрѣзный, экземпляръ этого сочиненія князь подарилъ мнѣ и сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись:

«Николаю Платоновичу
Барсукову
въ знакъ душевной преданности и благодарности за сотрудничество. 12 Сентября 1875 года».

Съ 1875 до 1877 года, т.-е. до времени основанія Общества Любителей Древней Письменности, князь Павелъ Петровичъ продолжалъ свои занятія въ той же области и свои изслѣдованія печаталъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и съ особенною любовію въ «Филологическихъ Запискахъ», издававшихся въ Воронежѣ моимъ учителемъ чистописанія, почтеннымъ Алексѣемъ Андреевичемъ Хованскимъ. Въ настоящее время Собраніе этихъ изслѣдованій печатается Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности.

Въ Сентябрѣ 1880 года я гостилъ въ Остафьевѣ и тру-

дился надъ прекрасною рукописью «Странствованіе Барскаго по Святымъ Мѣстамъ Запада и Востока». Этимъ предметомъ я занялся по настоянію князя Павла Петровича, который высоко цѣнилъ Барскаго. Въ память Остафьевскаго пребыванія князь подарилъ мнѣ многотомный «Dictionnaire historique et critique par M-r Bayle» (изъ Никульской библіотеки) и надписалъ:

«Николаю Платоновичу
Барсукову
въ память Остафьевскаго гостепріимства подверженнаго монастырской дисциплинѣ. Отъ владѣльца. 12 Сентября 1880 года».

Это было время самой кипучей дѣятельности князя Павла Петровича въ Обществѣ Любителей Древней Письменности. Пятничныя засѣданія шли непрерывно и весною, и лѣтомъ, и осенью, и зимою...

29 Іюня 1888 года, на Фонтанкѣ, я присутствовалъ при его предсмертныхъ страданіяхъ.

По поводу его кончины П. И. Бартеневъ изъ Ревеля писалъ мнѣ (отъ 1 Іюля):

«...Тебѣ въ особенности останется навсегда памятенъ этотъ покойникъ, съ которымъ столько лѣтъ провелъ ты дѣятельнаго, безкорыстнаго, высокаго служенія здравому и прочному просвѣщенію. Въ томъ, что имъ сдѣлано, знатная доля принадлежитъ вполнѣ тебѣ, твоему терпѣнію и неуклонности. Я былъ постоянный тому свидѣтель».

Николай Барсуковъ.

24 Марта 1902 года.
Фонтанка.

IV

Милостивый Государь

Графъ Сергій Дмитріевичъ.

Благодарю Васъ искренно, глубокоуважаемый графъ, за письмо Ваше, недавно мнѣ доставленное тутъ, въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Кіева.

Вы обращаетесь ко мнѣ съ просьбою подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями о времени возникновенія Общества Любителей Древней Письменности и о покойномъ основателѣ его, князѣ Павлѣ Петровичѣ Вяземскомъ.

Съ княземъ Павломъ Петровичемъ я познакомился въ 1867 году, когда онъ, въ февралѣ 1867 года, началъ печатать во второмъ томѣ «Сборника» Русскаго Историческаго Общества, только-что возникшаго тогда, свою обширную статью о Мальтійскомъ Орденѣ въ С.-Петербургѣ, и я, въ качествѣ помощника секретаря Общества, подъ верховнымъ смотрѣніемъ Предсѣдателя Общества, князя Петра Андреевича Вяземскаго, наблюдалъ за печатаніемъ втораго тома Сборника.

Въ это время у насъ установилась обычная дѣловая переписка съ княземъ Павломъ Петровичемъ, по поводу перевода депешъ графа Литты, подстрочныхъ примѣчаній къ депешамъ и, въ особенности, по поводу составленія введенія къ этому и по сіе время цѣнному научному труду князя Павла Петровича.

Къ сожалѣнію, мнѣ не довелось тогда же установить правильной съ княземъ Павломъ Петровичемъ переписки по нѣкоторымъ вопросамъ научно-литературнымъ, и теперь приходится мнѣ очень и очень скорбѣть при мысли объ этомъ упущеніи. Только на основаніи переписки людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше, возможно представить правдивую картину пережитаго. Я искренно уважалъ и любилъ князя Павла Петровича за его глубокую и ясную мысль и своеобразный умъ его, любилъ я его и за чуткость сердечную; но, повторяю, не состоя съ княземъ въ правильной научно-литературной перепискѣ и къ тому же не чувствуя въ себѣ необходимаго литературнаго таланта, я не буду имѣть возможности исполнить достойнымъ образомъ Вашу просьбу; а между тѣмъ и я весьма желаю содѣйствовать тому, чтобъ память объ этомъ ученомъ изслѣдователѣ сохранилась навсегда, замѣчательная энергія и стойкость котораго оставили неизгладимые слѣды въ судьбахъ достойнѣйшаго по своей плодотворной дѣятельности Общества Любителей Древней Письменности, главнымъ виновникомъ возникновенія котораго мы, по всей справедливости, должны считать князя Павла Петровича.

Въ скоромъ времени, Богъ дастъ, увидимся съ Вами, глубокоуважаемый графъ Сергій Дмитріевичъ, и тогда буду имѣть возможность побесѣдовать съ Вами о томъ, въ чемъ именно можетъ состоять и мое содѣйствіе при исполненіи намѣченнаго Вами плана чествованія 25-тилѣтія со дня учрежденія Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Георгій Штендманъ.

V.

Мои первые шаги въ Обществѣ.

Я чрезвычайно счастливъ, что въ первыхъ же строкахъ настоящихъ воспоминаній могу сказать хотя бы нѣсколько словъ о своемъ дорогомъ и незабвенномъ учителѣ, проф. В. Гр. Васильевскомъ. Память о немъ будетъ здѣсь тѣмъ болѣе умѣстна, что покойный академикъ имѣлъ близкое отношеніе къ Обществу Любителей Древней Письменности, состоя его членомъ-корреспондентомъ. Мое личное слово о немъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и слово, быть можетъ, не лишнее тамъ, гдѣ онъ занималъ высокое, подобающее ему, мѣсто.

Проф. всеобщей исторіи В. Гр. Васильевскій овладѣлъ моимъ вниманіемъ съ первыхъ же шаговъ моей университетской жизни, то-есть, съ осени 1882 года. Его лекціи, полныя содержаніемъ, продуманныя и прочувствованныя, произвели на меня чарующее впечатлѣніе. Я усмотрѣлъ въ профессорѣ тонкій и проницательный умъ, ясный взглядъ на явленія исторіи, а въ частныхъ бесѣдахъ съ нимъ изумлялся добротѣ и чуткости его къ положенію мало обезпеченнаго матеріально собесѣдника.

Но не всѣ лекціи Василія Григорьевича одинаково привлекали меня. Его курсы всеобщей исторіи, то-есть, исторіи

Западной Европы послѣ паденія Римской имперіи, мною выслушивались съ почтительностью, со вниманіемъ, но они не трогали меня, не воодушевляли. Совсѣмъ другое дѣло было, когда Васильевскій началъ намъ читать курсъ, посвященный исторіи Востока-Византіи и Мусульманства. Съ первыхъ же лекцій моего учителя, когда шла рѣчь объ «History of the declin and fall of Roman Empire» Гиббона, я увидѣлъ, что здѣсь, именно въ области Византіи, которую, кстати сказать, онъ первый у насъ въ Россіи научнымъ образомъ поставилъ, представляется обширнѣйшее поле для дѣятельности молодыхъ силъ. Васильевскій не скрывалъ, что изученіе Византіи особенно у насъ въ Россіи имѣетъ особенное, такъ сказать, жизненное значеніе, что пониманіе даже самой Русской исторіи, ея литературы и пр. во многомъ зависитъ отъ правильнаго пониманія исторіи и судебъ Византійской имперіи. Онъ первый заронилъ во мнѣ искру любви къ Византіи и онъ же первый направилъ меня на изученіе ея исторіи. Самъ онъ очень высоко ставилъ византійскую цивилизацію, особенно въ отношеніи ея къ славянскимъ народамъ, и это уваженіе сумѣлъ онъ передать и мнѣ.

Еще на университетской скамьѣ я сталъ интересоваться научными вопросами и слѣдить за текущею литературою; пробовалъ даже и самъ дѣлать сообщенія въ существовавшемъ тогда при Университетѣ Филологическомъ Обществѣ, и даже писать статьи по вопросамъ церковнымъ, изъ области византійской церкви. Однако, умные мои наставники-руководители, В. Гр. Васильевскій и И. Е. Троицкій, сдерживали мои молодые порывы, мое желаніе «летать».

1886 годъ былъ до нѣкоторой степени поворотнымъ пунктомъ въ моей начинающейся дѣятельности. Когда я оканчи-

валъ курсъ въ университетѣ и готовился выйти въ жизнь, я не имѣлъ рѣшительно никакихъ средствъ, за исключеніемъ лишь десятка книгъ, собранныхъ мною за университетскіе годы на тѣ гроши, которые я могъ удѣлить на покупку изъ 20-тирублевой стипендіи. Тотъ же Васильевскій, близко къ сердцу принявшій мое безотрадное положеніе, озаботился устроеніемъ меня при Палестинскомъ Обществѣ, въ качествѣ сотрудника при изданіи текстовъ нашихъ древнихъ паломниковъ. Я отправился въ Москву для занятій въ архивахъ и монастырскихъ библіотекахъ. Полный одушевленія и горячей любви къ дѣлу, я съ благоговѣніемъ и восторгомъ перелистывалъ, перечитывалъ и переписывалъ ветхія хартіи. Въ Москвѣ, этой сокровищницѣ старины, я невольно объятъ былъ пламеннымъ рвеніемъ знакомиться съ литературнымъ наслѣдіемъ стараго времени; я, можно сказать, бредилъ, видя рукописи во снѣ и наяву. Продавались ли на Сухаревой площади свитки XVII вѣка, я съ жадностью прочитывалъ ихъ и несказанно огорчался, когда узнавалъ, что они уже проданы. Продавалъ ли разносчикъ на улицѣ ягоды, я видѣлъ у него за поясомъ бумажные кульки, и мнѣ чудилось, что эти кульки сдѣланы изъ бумаги XVII вѣка и содержатъ памятники, быть можетъ, еще неизвѣстные, быть можетъ, важные для русской исторіи, но предназначенные къ уничтоженію. Мое знакомство здѣсь съ людьми науки не только не могло охладить во мнѣ пыла,—оно его усугубляло. Проф. А. С. Павловъ, съ которымъ я познакомился черезъ посредство В. Гр. Васильевскаго, познакомилъ меня съ проф. Н. С. Тихонравовымъ; самъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ И. Е. Забѣлинымъ, графинею Пр. С. Уваровою, Е. В. Барсовымъ и вообще со многими истинными археографами, у которыхъ имѣлись свои собранія рукописей.

Я свелъ знакомство съ разными букинистами и антикварами и, увлеченный страстью къ старинѣ, сталъ собирать и свою библіотеку старыхъ рукописей и книгъ. Въ Казани я познакомился съ И. Я. Порфирьевымъ, въ Ростовѣ—съ А. А. Титовымъ и т. д. Вообще мое пребываніе въ Москвѣ въ 1886 году было рѣшающимъ моментомъ, когда я, заронивъ въ себѣ искру любви къ Византіи, сочеталъ ее съ искрою любви къ родной старинѣ, и гдѣ же?—въ Москвѣ, гдѣ ступала не одна нога византійскихъ духовныхъ лицъ и представителей свѣтской власти. Я былъ въ томъ городѣ, гдѣ все-таки многое напоминало мнѣ Византію; и даже такія особенности, какъ причудливыя названія городскихъ мѣстностей, я ставилъ въ связь съ топографическими данными самой Византіи. Сладко дышалось мнѣ въ Москвѣ среди пыльныхъ улицъ, въ обществѣ ветхихъ рукописей!

По возвращеніи въ Петербургъ, я продолжалъ начатое дѣло по изданію паломниковъ. Съ русскими рукописями XVI и слѣдующихъ вѣковъ я уже освоился совершенно достаточно.

По дѣламъ Палестинскаго Общества и черезъ секретаря его В. Н. Хитрово я познакомился здѣсь съ Предсѣдателемъ Ученаго отдѣленія этого Общества, въ то же время временно исправлявшимъ обязанности Предсѣдателя Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, Д. Ѳ. Кобеко. Основатель этого послѣдняго Общества, князь П. П. Вяземскій, послѣ постигшаго его недуга посѣщалъ складъ Общества уже очень рѣдко, еще рѣже появлялся на засѣданіяхъ. Во главѣ стоялъ теперь Д. Ѳ. Кобеко, который въ описываемое мною время былъ и предсѣдателемъ, и секретаремъ Общества. Онъ открылъ мнѣ двери Общества, предоставивъ возможность заниматься здѣсь рукописями паломниковъ. Я сталъ посѣщать

его древлехранилище, получилъ понятіе о дѣятельности Общества и увидѣлъ, что дѣло его—то же, къ чему я уже пристрастился въ Москвѣ. Интересуясь имъ все болѣе и болѣе, я обратился къ Д. Θ. Кобеко съ просьбою не отказать мнѣ въ посѣщеніи засѣданій Общества. Отказа я не встрѣтилъ и съ большою любовью сталъ посѣщать его засѣданія.

Засѣданія Общества Любителей Древней Письменности происходили, по заведенному княземъ П. П. Вяземскимъ обычаю, еженедѣльно по пятницамъ, и нельзя сказать, чтобы всегда отличались большимъ многолюдствомъ. Я, напримѣръ, помню одно собраніе, когда насъ было всего четыре человѣка: предсѣдатель Д. Θ. Кобеко, докладчикъ П. В. Владиміровъ (одна изъ главъ его диссертаціи о Францискѣ Скоринѣ), слушатели А. Н. Пыпинъ и я. Малочисленность аудиторіи нисколько, впрочемъ, не мѣшала дѣлу—напротивъ, чувствовалась какая-то особая семейность, интимность въ ученыхъ бесѣдахъ, и, не знаю, какъ другіе, а я выходилъ изъ склада удовлетвореннымъ, серьезнѣе настроеннымъ. Я все рѣже и рѣже сталъ обращаться къ вопросамъ средневѣковой исторіи, которою я занимался въ университетѣ по преимуществу; родная старина стояла передо мною; я не могъ остаться равнодушнымъ къ ней—и промѣнялъ на нее сокровищницу умственныхъ богатствъ, пріобрѣтенную мною за университетскіе годы. Мои познанія по Западной исторіи стали мнѣ представляться чѣмъ-то искусственно привнесеннымъ и не имѣли подъ собою почвы; напротивъ, родная старина давала себя чувствовать на каждомъ шагу: рядомъ съ теоретическимъ изученіемъ, здѣсь всегда находился подъ руками и вещественный матеріалъ стараго прошлаго,—тѣмъ глубже запечатлѣвались свѣдѣнія о родной старинѣ. Но постепенно отставая отъ занятій средневѣковой

исторіей, я съ тѣмъ большимъ рвеніемъ занимался византійскою исторіею, которая въ умѣ моемъ едва отдѣлялась отъ исторіи отечественной. Рукописныя богатства московскихъ и петербургскихъ книгохранилищъ въ этомъ отношеніи давали обильный матеріалъ для занятій вопросами старой русской литературы и той обширной ея области, которая называется переводною, преимущественно византійскою, письменностью. Матеріалъ былъ подъ руками,—тѣмъ заманчивѣе представлялось поле дѣятельности. Слушая въ университетѣ горячія лекціи по литературѣ проф. О. Ѳ. Миллера, я, однако, оставался равнодушнымъ къ переводной письменности: она меня не занимала и казалась мертвою. Но теперь, когда я самъ сталъ вращаться среди рукописныхъ собраній, ветхія хартіи заговорили со мною своимъ, имъ присущимъ, языкомъ; я вошелъ въ святая святыхъ старины и понялъ этотъ языкъ, а понявъ, не могъ его не полюбить...

Привыкши въ Москвѣ видѣть въ архивахъ и библіотекахъ рукописные каталоги рукописей, я однажды спросилъ у Д. Ѳ. Кобеко, имѣется ли въ Обществѣ Письменности каталогъ рукописей, и если его нѣтъ, то составляется ли онъ, кѣмъ составляется и скоро ли будетъ доступенъ для пользованія?

Предсѣдатель, помню, отвѣтилъ мнѣ отрицательно. Казалось бы, все этимъ и кончилось? Напротивъ, вышло дѣло, котораго я никакъ не ожидалъ. Мой вопросъ, какъ я думаю, далъ опредѣленное направленіе мыслямъ Д. Ѳ. Кобеко. Вѣроятно, въ умѣ его уже давно существовалъ планъ описанія рукописей предсѣдательствуемаго имъ Общества; онъ и самъ было взялся за такое описаніе, и уже описалъ нѣсколько рукописей листоваго формата. Но занятый другими работами, онъ не имѣлъ достаточно времени посвятить себя дѣлу, польза

котораго представлялась ему несомнѣнной. Мой вопросъ снова заставилъ предсѣдателя вернуться къ задуманному имъ предпріятію и натолкнулъ его даже на практическое осуществленіе мысли. Однажды онъ пригласилъ меня къ себѣ и отъ имени Общества и отъ себя предложилъ мнѣ работу по описанію рукописей Общества. Полюбивъ всею душою книжное дѣло древней Руси, я увидѣлъ, что для меня открывается теперь та сфера дѣятельности, о которой я позволялъ себѣ иногда только мечтать, и то не безъ робости... Я принялъ предложеніе съ живѣйшею готовностью.

Съ тѣхъ поръ складъ Общества обратился въ мой рабочій кабинетъ, въ которомъ я ежедневно проводилъ добрую половину дня. На первыхъ порахъ наставникомъ моимъ былъ Д. Ѳ. Кобеко, сумѣвшій сразу же ввести меня въ курсъ дѣла и не оставлявшій меня различнаго рода указаніями и впослѣдствіи. Другимъ важнымъ руководителемъ моимъ въ дѣлѣ описанія было «Описаніе рукописей Императорской Публичной Библіотеки», трудъ академика и почетнаго члена Общества А. Ѳ. Бычкова, долго служившее мнѣ настольною книгою при занятіяхъ. По этой книгѣ я знакомился и учился для спеціальныхъ работъ по древнерусской литературѣ. Нѣтъ нужды, что я часто испытывалъ въ эту пору матеріальныя лишенія,— я горѣлъ пламенною любовью къ дѣлу, я былъ молодъ тѣломъ и духомъ, значитъ легко переносилъ невзгоды, которыя не могли охладить во мнѣ юношескаго пыла и увлеченія.

Однажды утромъ, когда я сидѣлъ за обычною работою, въ складъ вошелъ основатель Общества, князь П. П. Вяземскій, уже страдавшій тогда тяжелою болѣзнію. Представляясь ему, я доложилъ, что по порученію Общества занимаюсь описаніемъ принадлежащихъ сему послѣднему рукописей. Князь Павелъ

Петровичъ посмотрѣлъ на меня долгимъ, серьезнымъ, тѣмъ испытующимъ пристальнымъ взглядомъ, которымъ онъ, казалось, хотѣлъ оцѣнить выборъ Общества для подобнаго дѣла. Когда онъ прошелъ мимо, я почувствовалъ, что у меня на душѣ стало легко: мнѣ показалось, что князь остался доволенъ мною. Помню еще засѣданіе Общества, въ которомъ онъ присутствовалъ. Въ то время доклады дѣлали И. А. Шляпкинъ и, въ первый разъ, я—объ одномъ новомъ литературномъ памятникѣ XVI вѣка.

Довольно часто въ то время приходилъ въ складъ Общества проф. И. В. Помяловскій, который, при изданіи имъ житія св. Саввы Освященнаго, держалъ корректуру по рукописи, принадлежащей Обществу. Онъ уже зналъ, чѣмъ я занимаюсь, и интересовался моею работою. Если въ университетѣ мнѣ не пришлось сблизиться съ нимъ, то теперь между нами стали мало-по-малу завязываться тѣ добрыя и крѣпкія отношенія, которыя обѣщали долговѣчность.

Въ такомъ положеніи насталъ 1888-й годъ. Графъ С. Д. Шереметевъ, окончившій тогда второе трехлѣтіе въ качествѣ Московскаго губернскаго предводителя дворянства, переѣхалъ совсѣмъ на житье въ Петербургъ и былъ избранъ предсѣдателемъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. При мысли о секретарѣ Общества онъ остановилъ свой выборъ на проф. И. В. Помяловскомъ, котораго и просилъ принять на себя эту должность. Иванъ Васильевичъ, въ принципѣ принявшій это предложеніе, тѣмъ не менѣе находилъ, что ему, какъ человѣку, обремененному разнообразными занятіями, будетъ трудно отправлять всѣ обязанности, связанныя съ его новымъ положеніемъ, и просилъ графа С. Д. Шереметева о назначеніи ему помощника. Предсѣда-

тель Общества, дорожа ученою репутаціею проф. Ивана Васильевича, поспѣшилъ изъявить согласіе на это. Тогда секретарь Общества письмомъ пригласилъ меня къ себѣ и просилъ меня принять должность помощника секретаря и библіотекаря Общества, съ жалованіемъ 30 р. въ мѣсяцъ. Знакомый съ текущими дѣлами Общества, я и безъ того считалъ себя близко къ нему причастнымъ. Въ предложеніи И. В. Помяловскаго я усмотрѣлъ новый знакъ вниманія ко мнѣ со стороны людей науки и съ радостью его принялъ. Послѣ долгаго неопредѣленнаго положенія моихъ финансовъ это было моимъ первымъ шагомъ, которымъ я становился на почву прочно.

Съ этого времени ежедневными посѣтителями склада были редакторъ изданій Общества П. Н. Тихановъ и я. Секретарь И. В. Помяловскій приходилъ сюда разъ или два въ недѣлю. Продолжая описаніе рукописей Общества, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнялъ должность помощника секретаря и состоялъ библіотекаремъ Общества. Свѣдѣнія по греческой палеографіи, полученныя мною еще въ университетѣ подъ руководствомъ проф. В. Гр. Васильевскаго и особенно проф. (позже академика), нынѣ покойнаго В. К. Ернштедта, пригодились мнѣ и здѣсь. Когда секретарь Общества задумалъ издать греческій текстъ житія св. Ѳеодора Едесскаго по Московской Синодальной рукописи и выписалъ ее изъ Москвы, онъ поручилъ мнѣ списать копію съ нея для типографіи, и впослѣдствіи издалъ этотъ памятникъ. Изданіе это было столь же важнымъ для византійской агіографіи, сколько и для самого Общества Письменности, которое передъ тѣмъ издало старый славянскій переводъ этого житія. И затѣмъ, когда покойный проф. Новороссійскаго университета (въ описываемое время—Казанской Духовной Академіи) Н. Ѳ. Красносельцевъ обратился къ И. В. Помялов-

скому съ просьбою, не можетъ ли онъ попросить кого-либо списать для него нѣсколько листовъ греческой рукописи литургическаго содержанія изъ собранія преосв. Порфирія (Успенскаго) въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Иванъ Васильевичъ обратился по этому дѣлу прямо ко мнѣ. Вмѣсто вознагражденія деньгами, я пожелалъ получить отъ Н. Ѳ. Красносельцева два тома описанія рукописей Казанской Духовной Академіи.

Наша дружная совмѣстная работа въ Обществѣ, Ивана Васильевича, Павла Никитича и моя, такимъ образомъ продолжалась до начала 1892 года. Засѣданія подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева шли своимъ чередомъ. Всѣ трое мы дѣлились своими сообщеніями въ собраніяхъ. Ученый вѣсъ и авторитетъ И. В. Помяловскаго придавали засѣданіямъ тотъ блескъ и ту серьезность, которые отличали и оттѣняли пятничныя собранія. И если и ранѣе того, уже при самомъ князѣ П. П. Вяземскомъ, Общество Любителей, въ сущности, стояло довольно высоко и въ глазахъ ученыхъ, то теперь, когда душою его сталъ Иванъ Васильевичъ, привлекшій въ видѣ необходимаго подспорья къ старославянскимъ текстамъ, и литературу византійскую, на Фонтанку 34 обратились взоры и Западной Европы.

Общество оцѣнило заслуги И. В. Помяловскаго избраніемъ его, по оставленіи имъ должности секретаря, въ свои почетные члены. При мысли о преемникѣ ему, предсѣдатель Общества, гр. С. Д. Шереметевъ, остановилъ свой выборъ на мнѣ. Полюбивъ рукописныя занятія и совершенно освоившись съ дѣлами Общества, я, однако, боялся, что могу оказаться не въ силахъ сколько-нибудь достойно продолжать дѣло Ивана Васильевича, и позволилъ себѣ съ своей стороны указать г. пред-

сѣдателю на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, какъ мнѣ казалось тогда, имѣли болѣе заслугъ передъ Обществомъ. Однако гр. С. Д. Шереметевъ не внялъ моимъ представленіямъ... Въ ноябрѣ 1891 года я уже оффиціально считался секретаремъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Хрисанѳъ Лопаревъ.

VI

Мое знакомство съ княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ сдѣлалось какъ-то само собой, безъ всякихъ представленій, и было совершенно случайно. Въ 1874 году, въ какомъ именно мѣсяцѣ—теперь не помню, но скоро послѣ возвращенія моего изъ-за границы, что было въ августѣ, вечеромъ, довольно поздно, я по пути домой зашелъ въ типографію Траншеля, въ то время помѣщавшуюся уже на Стремянной, справиться объ одномъ изданіи. Въ конторѣ меня встрѣтилъ факторъ, тамъ же сидѣлъ, низко наклонившись надъ столомъ, плотный и плечистый человѣкъ съ великолѣпною шевелюрой. Какъ мнѣ показалось, незнакомецъ читалъ корректуру. Перекинувшись съ управляющимъ типографіей, я изъ простого любопытства и въ предположеніи, что незнакомецъ, котораго я почему-то принялъ за педагога, быть можетъ тоже здѣсь «по дѣламъ печати», обратился къ нему съ вопросомъ, что онъ вѣроятно просматриваетъ свое произведеніе? Такое обращеніе въ типографскихъ нравахъ и не должно было казаться чѣмъ-либо необыкновеннымъ. Отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный, и, удовлетворяя моему желанію взглянуть на сочиненіе, незнакомецъ подалъ мнѣ лежавшій передъ нимъ листъ: то были комментаріи къ Слову о полку Игоревѣ.

При бѣгломъ чтеніи лишь одной страницы, я не могъ не замѣтить нѣсколькихъ такъ называемыхъ опечатокъ, и, воз-

вращая листъ, сказалъ, что это вѣроятно вторая корректура. «Напротивъ», былъ отвѣтъ: — «это уже совсѣмъ отпечатано».

Мы отрекомендовались другъ другу, и тутъ я узналъ, что говорю съ княземъ Вяземскимъ, нѣкогда бывшимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, теперь же онъ служилъ въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, занимая постъ предсѣдателя Комитета цензуры иностранной. Дальнѣйшій разговоръ касался сочиненія князя, который обратился ко мнѣ съ просьбой продержать корректуру Слова. Я согласился, и на вопросъ о платѣ отвѣчалъ, что возьму книгу.

— Какъ, книгу?—съ удивленіемъ спросилъ князь:—какую книгу?

— Вотъ эту самую, по окончаніи ея печатанія.

Князь возразилъ, что такъ нельзя, и проч., и я предоставилъ оцѣнку труда самому князю, причемъ ради справедливости долженъ добавить, что гонораръ, назначенный имъ, показался мнѣ чрезвычайно высокъ, и съ моей стороны торгъ шелъ in minus.

Съ того же времени я сталъ бывать у князя Павла Петровича, жившаго тогда въ Почтамтской. Впослѣдствіи, кромѣ дома, я довольно часто встрѣчался съ нимъ въ антикварномъ книжномъ магазинѣ И. Г. Мартынова, помѣщавшемся на Вознесенскомъ проспектѣ. Въ разговорахъ по части библіографіи и роясь въ рукописяхъ, князь нерѣдко заводилъ рѣчь о такомъ обществѣ, гдѣ разрабатывалась бы старина. Программа князя была замѣчательно хороша, и съ его мыслью нельзя было не согласиться. Скоро затѣмъ князь Вяземскій переѣхалъ на Фонтанку, въ домъ графа Шереметева, гдѣ наконецъ послѣдовало открытіе Общества Любителей Древней Письменности, коему впослѣдствіи дарованъ титулъ Императорскаго. Первыя и какъ

бы частныя засѣданія сего Общества были въ помѣщеніи князя, а потомъ они происходили въ музеѣ Общества, регулярно, по пятницамъ. Полныя интереса, засѣданія посѣщались довольно усердно, хотя и небольшимъ числомъ лицъ, были оживленны, а иногда даже бурны. Объ одномъ изъ засѣданій съ послѣднимъ характеромъ скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

По случаю предстоявшей Коронаціи Императора Александра Александровича, надо было возстановить стѣнопись въ Грановитой Палатѣ. Это поручено было Г. Д. Филимонову, который однажды, во время пріѣзда въ Петербургъ, пожелалъ подѣлиться своимъ проектомъ внутренней реставраціи Палаты.

Въ пятницу, 5-го марта 1882 года, Филимоновъ явился на засѣданіе Общества. Съ нимъ были Палеховскіе иконописцы братья Бѣлоусовы, которымъ при воспроизведеніи рисунковъ требовалось выполнить двѣ задачи: чтобы всѣ сюжеты были на мѣстахъ, указанныхъ древнимъ писаніемъ, собственно архивными розысками, произведенными Филимоновымъ, и чтобы они были исполнены въ стилѣ XVI вѣка, т.-е. сохраняли бы всѣ существенныя представленія древней эпохи, причемъ могли быть допущены нѣкоторыя уступки въ пользу природы и правильности рисунка, согласно нынѣшнему уровню развитія современнаго церковнаго и народнаго искусства.

Собраніе членовъ въ этотъ разъ было очень многолюдно.

По открытіи засѣданія, начался докладъ Георгія Дмитріевича. Были показаны наброски сюжетовъ, предназначенныхъ къ помѣщенію на стѣнахъ Грановитой Палаты, и Филимоновъ давалъ пространныя объясненія, опираясь въ нихъ главнѣйше на Описаніи стѣнописи Золотой и Грановитой Палатъ, составленномъ по указу Царя Алексѣя Михайловича царскимъ иконописцемъ Симономъ Ушаковымъ. Описаніе это

тогда только-что было издано Императорскою Публичною Библіотекою по рукописи 1672 года. Все шло хорошо, всѣ слушали съ неослабѣвающимъ вниманіемъ экспликаціи докладчика, который держалъ свой рефератъ у классной доски, увѣшенной прорисями Бѣлоусовыхъ. И вотъ, когда рѣчь коснулась исполненія рисунковъ въ Палатѣ, едва лишь Филимоновъ произнесъ одно фатальное выраженіе (фальсификація), какъ тотчасъ былъ остановленъ предсѣдателемъ.

— Филимоновъ!—возвысивъ голосъ, сказалъ князь Павелъ Петровичъ:—я лишаю васъ слова. Въ нашемъ Обществѣ не можетъ и не должно быть рѣчи о какихъ бы то ни было фальсификаціяхъ, и я прошу васъ взять это выраженіе обратно.

Филимоновъ, понятно, остановился. Всѣмъ было неловко. Послѣ небольшой паузы и нѣкоторыхъ объясненій, докладчикъ продолжалъ нѣсколько минутъ свой рефератъ, но скоро заявилъ, что отлагаетъ его окончаніе.

Вѣроятно думая, что употребленное слово не такъ ужь преступно, Филимоновъ оставилъ его въ своей замѣткѣ для отчета о засѣданіи. Когда же на другой день корректурная гранка, по принятому порядку, была послана на просмотръ къ автору-докладчику, то получилась она съ такою надписью: «Печатать не желаю, прошу уничтожить наборъ и возвратить мнѣ черновой оригиналъ. Г. Филимоновъ. 6-го марта 1882 года».

Въ свою очередь и князь Павелъ Петровичъ помѣстилъ на той же гранкѣ такую резолюцію: «Отчета нельзя печатать до разъясненія положенія дѣла. Кн. П. Вяземскій».

Будучи возвращенъ съ такими помѣтами, отчетъ о засѣданіи 5-го марта само собою разумѣется не могъ быть напе-

чатанъ, и у меня сохранилась лишь корректурная гранка, явился же онъ позднѣе (XXI—12 марта), и конечно въ исправленномъ видѣ, но тамъ, гдѣ говорится, что рисунки Бѣлоусовыхъ для возстановленія стѣнописи въ Грановитой Палатѣ «разсматривались въ прошломъ засѣданіи», подъ выраженіемъ «прошлый» надо понимать засѣданіе 5-го марта, а не 26-го февраля (XX—см. Отчеты въ LXXX выпускѣ Памятниковъ Древней Письменности, стр. 81 и слѣд.).

Продолжая бывать у князя Павла Петровича, я косвенно принималъ участіе въ трудахъ Общества: читалъ корректуру его изданій, просматривалъ кое-что въ редакціонномъ отношеніи, велъ отчеты о засѣданіяхъ, и проч. На пятницы, какъ уже было сказано, собирались охотно, но весною, передъ концомъ академическаго года, посѣщенія бывали не такъ усердны. Нѣкоторую вольность въ этомъ отношеніи и я позволилъ себѣ, зная наперед, что ничего особеннаго не готовилось къ послѣднему засѣданію, каковое въ 1882 году приходилось 30-го апрѣля.

На другой день, въ субботу, 1-го мая, утромъ я зашелъ къ князю Павлу Петровичу. Слегка пожуривъ меня за вчерашнее отсутствіе, князь сказалъ, что на засѣданіи почти никого не было, изъ рефератовъ же— былъ лишь одинъ небольшой докладъ нѣкоего Бѣляева объ археологическихъ данныхъ по Макаріево-Унженскому монастырю, да еще просматривали кое-какія книги. Книги эти лежали тутъ же у князя. Сообщеніе Бѣляева доставлено мнѣ было въ рукописи самого докладчика, о книгахъ же я попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ, что составило замѣтку о заставкѣ, и напечатано послѣднею статьею въ Отчетахъ за 1881—1882 годъ со

многими иллюстраціями. Ранѣе до того такая же замѣтка была помѣщена мною въ Обзорѣ графическихъ искусствъ, выходившемъ подъ редакціей Р. Шнейдера, и составлена главнѣйше на основаніи извѣстнаго труда Румянцева.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого я получилъ отъ князя Павла Петровича слѣдующее приглашеніе: «Зайдите пожалуйста ко мнѣ и увѣдомьте когда ожидать. Завтра дома съ 7 часовъ вечера».

На другой день, въ назначенное время я былъ у князя, и тутъ онъ сообщилъ мнѣ, что Бѣляевъ подалъ тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графу Н. П. Игнатьеву, докладную записку о древностяхъ Макаріево-Унженскаго монастыря, и такъ какъ въ числѣ предметовъ, поименованныхъ Бѣляевымъ, находятся-де собственноручныя работы членовъ Царской Семьи, то о нихъ, какъ семейной святынѣ Дома Романовыхъ, желательно бы получить точныя свѣдѣнія. Съ этою цѣлью, добавилъ князь, «предпринимается поѣздка въ Макарьевъ, и я беру васъ съ собою: согласны?»

Кромѣ благодарности, иного отвѣта не могло быть.

— Только надо хранить это подъ величайшимъ секретомъ, и о нашей экспедиціи никому ни слова.

Не зная напередъ что приходилось бы дѣлать собственно мнѣ при обозрѣніи макаріевскихъ древностей, и въ предположеніи, что быть можетъ понадобится снять или скопировать что-либо, я подалъ мысль князю взять съ нами Осипова, прекраснаго копировальщика, уже заявившаго себя литографскими работами для Общества, напримѣръ его факсимиле Четвероевангелія, изданнаго подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова, Житіе Ѳеодора Едесскаго, и др. Князь согласился, и такимъ образомъ Осиповъ долженъ былъ ѣхать въ Макарьевъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня князь Павелъ Петровичъ выѣхалъ въ Москву. Я долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ Осиповымъ на другой день послѣ князя. Зная мѣшкотность и разсѣянность Осипова и происходящую оттого неаккуратность, я наканунѣ отъѣзда послалъ ему телеграмму, что выѣзжаемъ въ 9 часовъ утра. Потомъ, сообразивъ, что изъ Гавани, гдѣ жилъ мой спутникъ, такой ранній выходъ изъ дому съ багажемъ, хотя бы и небольшимъ, былъ невозможенъ, ибо и въ обыкновенное время тамъ рѣдко найти извощика, а трамвай начиналъ свои дѣйствія позднѣе, и на немъ не успѣть попасть къ утреннему поѣзду, я вслѣдъ за первою телеграммою послалъ другую, съ назначеніемъ выѣзда въ 11 часовъ. Къ этому времени я былъ уже на вокзалѣ. Долго высматривалъ я знакомую мнѣ фигуру въ соломенной шляпѣ, поручилъ искать ее и носильщикамъ, но, къ сожалѣнію, Осипова такъ и не дождался, и вынужденъ былъ ѣхать одинъ.

По прибытіи въ Москву, я немедленно пошелъ къ князю, котораго встрѣтилъ на улицѣ вмѣстѣ съ сыномъ, княземъ Петромъ Павловичемъ, въ то время адъютантомъ московскаго генералъ-губернатора. Тутъ же мы условились ѣхать въ Ярославль съ вечернимъ поѣздомъ.

— А Осиповъ?

Приходилось оправдывать своего протежэ какимъ-либо неожиданнымъ обстоятельствомъ, случившимся съ нимъ или въ его семьѣ, и что задержало его, причемъ я высказалъ, что Осиповъ, по моему мнѣнію, долженъ бы пріѣхать, всего же вѣроятнѣе мы увидимъ его въ Макарьевѣ.

Надо при этомъ сказать, что Осиповъ, кромѣ разсѣянности, отличался еще маніей изобрѣтеній. Такъ, однажды онъ просто что называется изводилъ меня своими разсказами о

томъ, что большая смертность не только въ Петербургѣ, а вообще вездѣ, на всемъ земномъ шарѣ, происходитъ единственно отъ испорченности воздуха въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Помочь горю берется онъ, Осиповъ, съ каковою цѣлію имъ изобрѣтенъ изумительный аппаратъ, могущій принести человѣчеству неисчислимыя благодѣянія. Но для опытовъ (?!) необходимо-де... и проч. Въ другой разъ Осиповъ чуть-ли не два мѣсяца тянулъ небольшую работу, откладывая ее только потому, какъ онъ объяснялъ, что не можетъ найти средства разсѣивать дыханіе, и поэтому (?) все думаетъ объ изобрѣтеніи особаго картона. На вопросъ—какое и чье дыханіе надо разсѣивать и причемъ тутъ картонъ, Осиповъ объяснилъ, что для лучшаго исполненія заказа онъ будетъ копировать оригиналъ прежде всего на бумагѣ «своего» изобрѣтенія, а чтобы скопированное не расплывалось—ему необходимо держать губами картонный кружокъ съ продѣтою посерединѣ его ниткой: отъ этого дыханіе не будетъ попадать на бумагу и снимокъ тоньше переведется на камень. «Но нуженъ особый картонъ для разсѣиванія дыханія, добавилъ онъ; между тѣмъ такого нигдѣ нѣтъ во всемъ Петербургѣ, а я — таинственно закончилъ Осиповъ свое объясненіе—изобрѣлъ его, и работа скоро будетъ готова» (работы простой и несложной самое бо́льшее было на полтора-два часа). Но и черезъ два мѣсяца снимки не были готовы, и пришлось отдать сдѣлать ихъ Беггрову: это листъ почерковъ, приложенный къ Космографіи 1640 года.

Вечеромъ—это было въ день смерти генерала Скобелева, слѣдовательно 25-го іюня—прибыли на ярославскій вокзалъ князь П. П. Вяземскій съ сыномъ и графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ. Опять зашла рѣчь объ Осиповѣ, къ моему оправдыванію котораго князь отнесся скептически, и просилъ

телеграфировать ему, чтобы, не останавливаясь въ Москвѣ, онъ прямо ѣхалъ въ Макарьевъ, о своемъ же выѣздѣ далъ бы знать телеграммой въ Ярославль на имя его, князя, или на мое, «до востребованія».

На другой день рано утромъ мы пріѣхали въ Ярославль, и я отправился на телеграфную станцію освѣдомиться объ отвѣтѣ Осипова. Телеграмма оказалась, но самое пылкое воображеніе не въ состояніи представить ея содержанія: Осиповъ извѣщалъ князя Павла Петровича, что «изобрѣлъ повый способъ снимать выпуклыя ткани».

Прочитавъ объ этомъ удивительномъ изобрѣтеніи, кпязь просилъ дать знать Осипову, чтобы онъ оставался въ Петербургѣ.

Въ Костромѣ посѣтили Ипатьевскій монастырь, гдѣ мое вниманіе остановило изображеніе крылатой Богоматери въ деисусѣ надъ входомъ въ ризницу, а въ Романовскомъ домикѣ замѣчательная печь изъ изразцовъ съ фигурами и надписями. Подобная же старинная печь есть въ музеѣ Общества Любителей Древней Письменности, куда она пріобрѣтена графомъ С. Д. Шереметевымъ. Познакомились съ В. А. Самаряновымъ, мѣстнымъ историкомъ и археологомъ, немало потрудившимся для Костромскаго края.

Слѣдующій пунктъ было село Красное, нѣкогда принадлежавшее князю Павлу Петровичу, и пріемъ, оказанный здѣсь ему съ сыномъ и графу Сергію Дмитріевичу—былъ поистинѣ царскій. Несмотря на погоду, не совсѣмъ благопріятствовавшую встрѣчѣ (моросилъ мелкій дождь)—громадная толпа ожидала князей и графа на пристани, откуда въ экипажахъ, запряженныхъ тысячными рысаками, всѣ двинулись въ село, гдѣ остановились у владѣльца мануфактуры поло-

тенъ, Сосипатра Дмитріевича Сидорова. «Ура» сотни голосовъ гремѣло возлѣ дома долго, почти не прерываясь, и князь Павелъ Петровичъ долженъ былъ нѣсколько разъ выходить на балконъ поклониться народу.

Обѣдъ, слѣдовавшій за чаемъ, былъ можно сказать лукулловскій, послѣ котораго молодой князь и графъ Сергій Дмитріевичъ дѣлали визиты, точнѣе—ихъ возили къ себѣ мѣстные обыватели-ювелиры.

Извѣстно, что у жителей села Краснаго главный кустарный промыселъ составляетъ серебреное галантерейное дѣло, коего они производятъ на большія суммы. О Красномъ съ окрестными селами и о производствѣ мѣстныхъ серебрениковъ не такъ давно вышло небольшое, но обстоятельное сообщеніе директора Археологическаго Института, Н. В. Покровскаго, подъ заглавіемъ: «Кустари-ювелиры Костромской губерніи» (отдѣльный оттискъ изъ Отчета о дѣятельности Императорскаго Общества поощренія художествъ).

На другой день изъ Краснаго тронулись дальше. Станціей теперь былъ Юрьевецъ, гдѣ осматривали церкви и затѣмъ черезъ Волгу направились по Унжѣ въ Макарьевъ.

Пароходъ, на которомъ мы теперь ѣхали, послѣ волжскихъ показался до того малъ и миніатюренъ, будучи приспособленъ конечно къ плаванію по неглубокой и извилистой рѣкѣ, что суденышко это между нами получило названіе «Комариной силы».

Оба рейса по Унжѣ были благополучны, обошлись безъ приключеній, которыми такъ пугали при отходѣ изъ Юрьевца, стращая мелями, карчами, и т. п. Берега Унжи мѣстами живописны, но въ общемъ унылы и безжизненны, и только въ

одномъ мѣстѣ на взгорьи виднѣлось село. Какъ замѣчательное явленіе, доселѣ живущее у насъ на Руси—избраніе въ покровители мѣстно-чтимыхъ святыхъ или нареченіе именемъ новопрославленныхъ, отмѣчу, что у многихъ изъ бывшихъ на пароходѣ господствовало имя Геннадій. Такъ, капитанъ его былъ Геннадій (или Геннадіевичъ, хорошенько не припомню), былъ сельскій священникъ о. Геннадій, съ которымъ одно время я состоялъ въ перепискѣ, было нѣсколько дѣтей и двое-трое крестьянъ тоже съ именемъ Геннадій. Видимо, имя это давалось въ честь мѣстнаго угодника, Геннадія Костромского († 1565).

Послѣ длинной излучины рѣки Унжи, почти у самаго Макарьева удалявшей пароходъ отъ только что показавшейся обители, сверкнувшей сквозь купы деревьевъ крестами своихъ храмовъ, наконецъ мы достигли цѣли нашего путешествія: пароходъ бросилъ якорь у города, весь крутой подъемъ къ которому былъ усѣянъ огромною толпою. Это было раннимъ вечеромъ въ понедѣльникъ, 28-го іюня.

Благодаря любезному вниманію настоятеля монастыря, о. архимандрита Іова, возлѣ пристани уже ожидало нѣсколько экипажей. Для князя Павла Петровича былъ приготовленъ крытый фаэтонъ, въ который онъ и сѣлъ по приглашенію о. іеродіакона Іосифа, въ другомъ экипажѣ помѣстился графъ Сергій Дмитріевичъ съ княземъ Петромъ Павловичемъ, я поѣхалъ вмѣстѣ съ Бѣляевымъ. Въ монастырѣ встрѣтилъ насъ архимандритъ Іовъ.

Послѣ чаю и краткаго отдыха, князь Павелъ Петровичъ пожелалъ поклониться преподобному Макарію и вмѣстѣ отслужить ему молебенъ, каковой и былъ отправленъ о. архимандритомъ соборнѣ въ сослуженіи іеромонаховъ и одного бѣлаго священника, проживавшаго въ монастырѣ на покоѣ. Хоръ

былъ городской, подъ управленіемъ нѣкоего Санина, и пѣли весьма удовлетворительно.

Засимъ началось обозрѣніе монастырской ризницы, библіотеки и архива обители, помѣщающихся въ Благовѣщенской церкви, построенной святителемъ Митрофаномъ. Изъ многихъ показанныхъ намъ предметовъ обратили на себя вниманіе слѣдующіе:

Казанская икона Богоматери, келейная царя Михаила Ѳеодоровича,

нѣсколько Евангелій, одно изъ коихъ даръ царя Ѳеодора Іоанновича, другія временъ Шуйскаго, Алексѣя Михайловича, и проч.,

убрусъ, шитый золотомъ и шелками, даръ великой старицы инокини Маѳы,

великолѣпный массивный крестъ изъ золота, усаженный жемчугомъ, до сихъ поръ не помертвѣвшимъ, даръ князя Ивана Ивановича Шуйскаго на поминъ души брата его, царя Василія,

священные сосуды, даръ князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго,

серебреныя кадила,

нѣсколько воздуховъ, шитыхъ шелкомъ, плащаница, даръ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и много другихъ предметовъ, чрезвычайно интересныхъ, какъ приклады въ обитель лицъ историческихъ, но между всѣмъ этимъ предметовъ, изготовленныхъ собственноручно кѣмъ-либо изъ членовъ Дома Романовыхъ—не оказалось ни одного.

Такимъ образомъ, докладъ Бѣляева на засѣданіи Общества и его сообщеніе Министру, для провѣрки чего собственно и была предпринята самая поѣздка—не подтвердились. Позднѣе,

архимандритъ Іовъ прислалъ князю Павлу Петровичу подробную опись ризницы Макаріева-Унженскаго монастыря, составленную, если не ошибаюсь, на основаніи древнихъ подлинныхъ документовъ, но и тамъ, сколько помню, нигдѣ не говорится о томъ, что утверждалъ г. Бѣляевъ. Описаніе ризницы должно храниться въ архивѣ князя.

Съ нѣкоторыхъ предметовъ князь пожелалъ имѣть снимки, что съ успѣхомъ выполнилъ мѣстный фотографъ, нѣкто Иванъ Мартыновичъ Глызденко. Все это составило большой альбомъ. Нынѣ фотографіи эти можно видѣть въ музеѣ Общества Любителей Древней Письменности.

Въ ризницѣ же разсматривали царскія и патріаршія грамоты и нѣсколько юридическихъ актовъ.

Затѣмъ осмотрѣли Никольскую церковь и подъ нею, въ особомъ хранилищѣ, одноколку царя Михаила Ѳеодоровича. Потомъ перешли въ Троицкій соборъ и были въ Успенской церкви. Въ соборѣ обратилъ на себя вниманіе превосходный иконостасъ. Наконецъ были въ двухъ часовняхъ: въ одной изъ нихъ, деревянной, находится изваяніе Страстного Спасителя, въ другой, каменной, подъ горою—колодезь, по преданію изрытый преподобнымъ Макаріемъ.

Послѣ небольшого отдыха въ монастырскомъ саду, всѣ пошли въ покои настоятеля, гдѣ продолжали разсматривать разныя рукописи, причемъ графъ Сергій Дмитріевичъ обратилъ особое вниманіе на миніатюру акварелью, изображавшую преподобнаго Макарія въ ростъ.

Слѣдовалъ опять чай съ легкою закуской и затѣмъ гомерическій ужинъ, изобильный рыбный столъ, закончившійся шампанскимъ. Не могу не упомянуть при семъ, что о. архимандритъ долго упрашивалъ князя Павла Петровича сѣсть за

столъ на первое, почетное мѣсто, и только лишь послѣ нѣкоторыхъ пререканій настоятель долженъ былъ уступить и занять мѣсто по праву какъ хозяинъ. Ужинъ прошелъ весьма оживленно. Занималъ бесѣдою князь Павелъ Петровичъ, избравшій темой для разговора что-то изъ міра скопцовъ...

Ночевали мы на пароходѣ, князь же остался у архимандрита, который для сего случая приготовилъ постель съ пологомъ, о чемъ князь вспоминалъ послѣ съ удовольствіемъ.

На другой день, 29-го іюня, архимандритъ отслужилъ молебенъ первоверховнымъ апостоламъ, тезоименитымъ покровителямъ обоихъ князей Вяземскихъ, и послѣ утренняго чаю мы отправились въ обратный путь по Унжѣ, гдѣ у пристани ожидала насъ подъ парами «Комариная сила».

Этимъ я закончу мои отрывочныя воспоминанія о князѣ Павлѣ Петровичѣ Вяземскомъ, далеко впрочемъ не исчерпывающія даже затронутыхъ эпизодовъ.

* * *

Два слова объ Обществѣ по поводу его юбилея.

Многимъ должны быть памятны тѣ голоса, что раздавались при самомъ возникновеніи Общества Любителей Древней Письменности. Прежде всего говорили наприм., что Общество это не долговѣчно, что уже бывали-де и прежде подобныя любительскія затѣи(!), въ концѣ концовъ сошедшія на нѣтъ, и проч., причемъ главною причиною выставлялась какъ бы неподготовленность наша къ занятіямъ наукой, приводилось рвеніе въ началѣ и затѣмъ полное равнодушіе къ дѣлу, и т. п.

По сему случаю да позволено будетъ привести въ высшей степени знаменательныя слова профессора Н. А. Лавровскаго.

сказанныя имъ въ рѣчи «о Крыловѣ и его литературной дѣятельности»:

«Всѣмъ извѣстна многократно и съ многочисленными варіаціями повторявшаяся мысль, что Крыловъ есть типъ русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. Есть много правды въ этой мысли, но правды, смѣемъ думать, весьма относительной и условной, какъ и вообще характеристики, относимыя къ цѣлому народу, имѣютъ только относительное значеніе и должны быть принимаемы съ большою осмотрительностію и большими ограниченіями. Говорятъ: Крыловъ, какъ русскій человѣкъ, лѣнивъ и безпеченъ, ему недостаетъ настойчивости, непрерывнаго самовозбужденія къ труду, безразлично относящемуся ко всякой житейской обстановкѣ. Русскій человѣкъ, какъ Крыловъ, говорятъ, способенъ работать много, усердно, плодотворно, работать съ особенною смѣтливостью и тактомъ, но только при сильномъ внѣшнемъ возбужденіи, а предоставленный самому себѣ — быстро впадаетъ въ лѣнь и апатію.

«Корень этого недостатка, кажется, заключается прежде всего въ недостаткахъ нашего воспитанія и образованія, которыя, говоря вообще, дѣйствительно неспособны выработать настойчивости и непрерывнаго самовозбуженія къ дѣятельности.

«Здѣсь не мѣсто рѣшать общіе педагогическіе вопросы. Стоитъ только обратиться къ порядкамъ нашего воспитанія и образованія въ семьѣ и школѣ, чтобъ убѣдиться, что ни та, ни другая вовсе и не думаютъ задаваться мыслью о пріученіи къ такому и такъ установленному труду, плодомъ котораго была бы внутренняя потребность къ труду. У насъ въ школѣ [illegible] много, по безпорядочно, въ разбивку, при странномъ [illegible] цѣлей труда и при отсутствіи надлежащей его орга-

низаціи. Послѣдствія понятны: трудъ представляется только своей тяжелой стороной, отталкиваетъ отъ себя однимъ напоминаніемъ о себѣ, а потому за него можно приняться только въ нуждѣ, даже крайности, вообще при сильномъ внѣшнемъ возбужденіи. Оттого мы такъ велики на большіе планы и такъ малы на ихъ выполненіе. Та внутренняя потребность труда возможна только при извѣстной высотѣ образованія, съ которой видны его высокія цѣли» (Ж. Мин. Нар. Просв., CXXXVII. стр. 410—411).

Людямъ науки, которымъ Общество дало столько изданій драгоцѣнныхъ памятниковъ, даже въ ихъ факсимиле, и давшее столько изслѣдованій о самыхъ памятникахъ старины—людямъ науки предоставляется теперь сказать, какъ пройденъ путь Обществомъ Любителей Древней Письменности втеченіе первой четверти вѣка его жизни.

П. Тихановъ

Брянскъ
18 октября 1902

VII

Это было въ 1879 году: я, студентъ филологъ II курса, уже получилъ вкусъ къ русскимъ древностямъ и дерзнулъ напечатать въ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» описаніе древнихъ рукописей Псковскаго археологическаго музея. Турецкая война, шатаніе общественныхъ настроеній, борьба за признаніе русской самобытности, дневникъ писателя Достоевскаго, славянофильскія лекціи О. Ѳ. Миллера, подпольные листки, взрывы и покушенія — такова была тогдашняя обстановка студенческой жизни. За что держаться, гдѣ опора русской жизни?.. и невольно тянула къ себѣ сѣдая старина, старина тысячелѣтней русской исторіи; тамъ, въ изученіи прошлаго, жгуче хотѣлось отыскать вѣковѣчныя основы русскаго жизненнаго уклада, чувствовалось подъ корой документовъ сухой обрядности біеніе могучаго народнаго духа, выработавшаго и свои живые религіозные идеалы, и свое коренное государственное чувство, чувствовалась необходимость провѣрки различныхъ идеалистическихъ построеній русской исторіи, большею частью отрицательныхъ, а если и положительныхъ, то страдавшихъ туманностью и отвлеченностью, провѣрки—болѣе точнымъ, болѣе близкимъ знакомствомъ съ остатками былого, «съ живымъ глаголомъ русской старины». Какъ бы въ отвѣтъ на это настроеніе, въ 1877 году въ С.-Петербургѣ возникло

«Общество Любителей Древней Письменности». Еще во Псковѣ, въ разговорахъ, съ покойнымъ самоотверженнымъ дѣятелемъ псковской археологіи К. Г. Евлентьевымъ, привѣтствовали мы это Общество изученія русской письменности. Отчеты о его засѣданіяхъ, появлявшіеся въ «Голосѣ» и «Новомъ Времени», возбуждали наше любопытство и давали пищу нашимъ разговорамъ. Хотѣлось и мнѣ принять участіе въ занятіяхъ этого интереснаго русскаго Общества, — но какъ? Какъ безвѣстному, недостаточному студенту попасть въ это закрытое Общество, члены котораго были или лица съ титулованными фамиліями, или крупные русскіе ученые? Изданія Общества тогда не продавались, а они были такъ нужны для людей, занимавшихся русской древней литературой... Послѣ долгихъ колебаній, осенью 1879 года, рѣшилъ я отправиться прямо, безъ всякихъ карточекъ и рекомендацій, къ предсѣдателю Общества. Сильно билось сердце, когда я вступилъ въ первый отъ Симеоновскаго моста подъѣздъ дома гр. Шереметева и спросилъ ливрейнаго швейцара о князѣ Павлѣ Петровичѣ Вяземскомъ. Квартира князя была наверху, но кабинетъ и библіотека помѣщались внизу въ отдѣльномъ павильонѣ. «Пожалуйте направо, сейчасъ доложу». Двѣ ступени внизъ,—и я очутился въ продолговатой комнатѣ, уставленной книжными полками. Секретарь князя, И. Д. Дьяконовъ, спросилъ меня о причинѣ моего появленія, и я предсталъ предъ свѣтлыя очи Павла Петровича. Обширный и необычайно высокій кабинетъ князя былъ весь загроможденъ книгами, рукописями, иконами, всевозможными древностями, все это — въ художественномъ безпорядкѣ, все — доказательство разнообразной, кипучей, страстной работы князя. Посрединѣ, передъ столомъ, въ низенькомъ креслѣ величественная фигура старца съ сѣдовласой львиной гривой, съ

черными посѣдѣвшими густыми усами, длинными бакенами и прозрачными сѣрыми глазами, бойко смотрѣвшими изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей: зрачки ихъ будто смѣялись. Впослѣдствіи я не разъ вспоминалъ князя, глядя на одну изъ боярскихъ фигуръ на картинѣ «Свадебный пиръ» К. Е. Маковскаго. Одѣтъ былъ князь во что-то черное, некрахмальная рубашка была плохо застегнута, онъ тяжело дышалъ и курилъ, безпрестанно разсыпая пепелъ и бросая, какъ попало, недокуренныя папиросы. «Извините меня, мнѣ тяжело подняться»,—сказалъ онъ, протягивая руку.—«Садитесь,—снимите книги со стула», прибавилъ князь ласково, видя мою растерянность, и началъ разспрашивать меня объ университетѣ, о моихъ занятіяхъ, — и всякая натянутость сразу исчезла. Я преподнесъ ему свою псковскую работу, разсказалъ о своихъ находкахъ и приключеніяхъ во Псковѣ, гдѣ меня было арестовали по вздорному доносу одного преподавателя семинаріи, о своихъ нуждахъ и планахъ, о любви къ древностямъ, особенно русскимъ, и т. д. Князь зорко смотрѣлъ на меня и въ концѣ ласково сказалъ: «Зайдите къ секретарю Общества (Ѳ. И. Булгакову), онъ дастъ вамъ нѣкоторыя изданія, посмотрите музей»... Получивъ драгоцѣнныя изданія и не желая быть неблагодарнымъ, я чрезъ нѣсколько времени подарилъ въ музей Общества двѣ-три рукописи и каменную плиту съ прекрасной вязью самаго начала XVIII вѣка. Князю, видимо, мой поступокъ понравился: я сталъ чаще заглядывать въ музей или, какъ тогда говорили, «складъ» Общества. Получилъ доступъ и на засѣданія. Узнавъ, что я живу уроками, а ихъ, увы! было немного, князь предложилъ мнѣ платную работу: разборъ громадныхъ папокъ съ факсимиле и подлинными листами старопечатныхъ русскихъ и славянскихъ изданій и ру-

списей. Это собраніе было куплено княземъ послѣ извѣстнаго антиквара-продавца Т. Ѳ. Большакова. Часть моихъ работъ вошла въ статью князя (Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго, Спб., 1893, стр. 341—348). Кромѣ того, карточки съ этими листами и замѣтками должны были войти въ особый задуманный княземъ алфавитный справочникъ, который и теперь хранится въ музеѣ Общества. Я работалъ у окна въ первой комнатѣ, тутъ же сидѣлъ служитель Общества, Ѳедоръ Елисѣевъ, прекрасно писавшій полууставомъ и копировавшій литографскими чернилами первыя изданія Общества; князь, сидя въ кабинетѣ, изрѣдка обращался ко мнѣ съ вопросами или справками, въ которыхъ я не особенно могъ помогать князю — зато для меня это занятіе было хорошей школой для знакомства съ текущими вопросами русскихъ древностей и литературы. Читая какую-нибудь книгу или рукопись, князь всегда дѣлалъ отмѣтки на оригиналѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, большія выписки дѣлались на отдѣльныхъ листкахъ всевозможнаго формата. Эти листки тутъ же подклеивались и часто при корректурахъ изъ нихъ образовались саженныя бумажныя змѣи дополненій и примѣчаній. На столѣ всегда валялись карандаши, перья, кисточки и банки съ клеемъ. Князь работалъ безпорядочно, безъ строгой критики, но онъ увлекался работой, и его выводы, иногда парадоксальные, тѣмъ не менѣе, подымали цѣнные и интересные вопросы. Видя мое пристрастіе къ пергаментнымъ рукописямъ, онъ постоянно оспаривалъ чрезмѣрность ихъ значенія. «Древній списокъ,— говорилъ онъ,—не всегда есть ручательство за древность текста, иногда новая рукопись сохраняетъ болѣе важную и болѣе древнюю редакцію памятника, чѣмъ вашъ пергаментъ. Все—одинаково цѣнно, все надо изучать, все надо издавать, чтобъ бе-

рѣчь исчезающую рукописную старину: вѣдь она всегда бываетъ лишь въ одномъ экземплярѣ. Наконецъ, въ новой рукописи часто видно приспособленіе ея къ новымъ условіямъ жизни»... Вспоминается мнѣ, какъ являлись въ кабинетъ князя разные торговцы древностями, большею частью старообрядцы: изъ черныхъ платочковъ, завязанныхъ узелками, появлялись лицевыя рукописи, которыя особенно цѣнились княземъ, и начиналась торговля. «Я не богатъ — почти кричалъ князь: - я не могу сорить деньгами, у Общества тоже нѣтъ денегъ»... Но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что рукопись пріобрѣталась или для Общества, или для собранія князя.

Князь имѣлъ удивительное чутье въ людяхъ и любилъ задѣть ихъ слабую струну. Я помню, какъ одинъ разъ онъ, съ напущенною на себя свирѣпостью и вызывающимъ тономъ, до того довелъ покойнаго директора Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ барона Ѳ. А. Бюлера, человѣка необыкновенно важнаго, деликатнаго и опрятнаго, что тотъ отъ нервнаго волненія опрокинулъ на бумаги чашку кофе, которую держалъ въ рукахъ. «Ну вотъ что», подхватилъ свирѣпо князь, «что я говорилъ, — вы даже кофе пить не умѣете». Смѣхъ гостя былъ отвѣтомъ на эту выходку князя, и рѣчи пошли совершенно спокойныя. Князь вообще былъ человѣкъ горячій и неровнаго темперамента. Разъ, въ Обществѣ покойный Г. Д. Филимоновъ читалъ о сохранившемся отъ XVII в. описаніи росписи Грановитой палаты въ Москвѣ и возобновленіи ея ко времени коронаціи Императора Александра III. Князь возражалъ; Филимоновъ—человѣкъ тоже горячій, не спускалъ, и произошла рѣзкая сцена, впрочемъ, окончившаяся внезапнымъ молчаніемъ обоихъ собесѣдниковъ и мирнымъ разговоромъ на другую тему—князь высоко цѣнилъ познанія

Г. Д. (см. Сочиненія кн. П. П. Вяземскаго, стр. 179) и обратно. Вспоминаю, какъ я въ подмосковномъ селѣ князя, знаменитомъ Остафьевѣ, увлеченный любопытствомъ, началъ перебирать книги одного незапертаго шкафа и, наткнувшись на «memento mori», сдѣланное изъ воску и изображавшее полуистлѣвшаго мертвеца въ гробу, спросилъ объясненій у князя. Князь разсвирѣпѣлъ: «Какое вы право имѣете разсматривать мои шкафы?» Я сконфузился и пролепеталъ о правѣ гостя. Буря продолжалась, но черезъ часъ князь началъ спрашивать совершенно спокойно, какого я мнѣнія о потолкѣ залы, рисунки котораго онъ собственноручно вырѣзалъ и группировалъ. Князь не сердился, если и ему отвѣчали рѣзко. Назначивъ плату за подготовляемыя мною справочныя по рукописямъ карточки въ 10 коп. и видя, что я изготовляю чуть ли не сотню въ вечеръ, онъ сталъ сбавлять цѣну и, наконецъ, дошелъ до 1 коп. Дѣло было весною 1880 года: впереди грозило безурочное, голодное для студентовъ лѣто, но я наотрѣзъ отказался и, наговоривъ грубостей князю, ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ болѣе къ нему не возвращаться. Недѣли черезъ двѣ я получилъ приглашеніе ѣхать на вакаціи въ Кусково для занятій съ дѣтьми гр. С. Д. Шереметева: это было дѣло князя, рекомендовавшаго меня, несмотря на мои грубости, своему зятю и своей дочери. Перезнакомился я тогда чуть не со всѣми лицами, стоявшими къ князю въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ: отмѣчу нынѣшняго редактора «Новаго Времени», тогда секретаря Общества, Ѳ. И. Булгакова, покойнаго П. И. Савваитова, палеолога и жизнеописателя Погодина Н. П. Барсукова, его брата, извѣстнаго составителя Исторіи рода Шереметевыхъ, А. П. Барсукова, Е. Н. Опочинина, П. Н. Тиханова; изъ меньшей братіи помню двѣ фигуры: задорнаго и

часто подъ хмѣлькомъ старика-карлика князя и памятнаго по Кускову тоже старика Мирона, постоянно говорившаго въ риѳму—вымершій типъ подмосковнаго скомороха. Кромѣ русскихъ древностей и старой русской литературы, князь интересовался и новымъ періодомъ русской жизни. Въ моей библіотекѣ хранятся украшенныя автографомъ князя изслѣдованіе его о генералъ-прокурорѣ А. И. Вяземскомъ, біографія Пушкина (отдѣльные оттиски изъ газеты «Берегъ»), сочиненія его отца князя П. А. Вяземскаго, редактированныя Н. П. Барсуковымъ при ближайшемъ участіи покойнаго князя. Иначе онъ относился къ переживаемой эпохѣ. О своей дѣятельности начальника по дѣламъ печати князь говорилъ съ неудовольствіемъ и рѣдко. Событія текущей жизни 80-хъ годовъ, какъ мнѣ казалось, занимали князя мало и, конечно, не удовлетворяли его представленію о настоящей «русской» жизни, противорѣчили былому Россіи. Всего себя князь отдалъ своему излюбленному дѣтищу Обществу Любителей Древней Письменности. Задачи Общества князь понималъ очень широко: главная цѣль его—служить историческимъ основамъ русскаго міровоззрѣнія, будить заснувшее русское историческое самосознаніе. И древняя икона, и старинный изразецъ, и лубочная картина, и старая орнаментированная утварь, и церковное пѣніе, и автографъ русскаго писателя, все это могло входить въ программу дѣятельности новаго Общества, кромѣ его центральной задачи—изученія древнерусской письменности. Вспоминаю, съ какимъ тщаніемъ, при помощи владѣльца типографіи А. И. Траншеля, князь выбиралъ и вырабатывалъ особый шрифтъ для изданія нашихъ памятниковъ. Какіе памятники думалъ онъ издавать въ первую очередь,—видно изъ его статьи «Обзоръ Московскихъ книгохранилищъ»: «Не оцѣнка, а изданіе

текстовъ,—писалъ князь,—составляетъ главную, почти исключительную задачу Общества». Но на ряду съ этимъ онъ предлагалъ печатать въ отчетахъ и протоколахъ Общества и извѣстія о вновь выходящихъ въ свѣтъ текстахъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ по русскимъ древностямъ (Сочиненія кн. П. П. Вяземскаго, стр. 286). Заботясь о точномъ воспроизведеніи вида рукописи, князь запомнилъ даже указаніе старинарей, какъ посредствомъ жидкаго кофе давать бумагѣ желтый оттѣнокъ старины. Путь, по которому должно идти Общество, по мнѣнію князя, былъ путь англійскаго Camden society. Благодаря участію князя, въ свѣтъ вышли такія изданія, какъ Святославовъ изборникъ 1073 г. подъ наблюденіемъ А. И. Тимофеева и Г. Ѳ. Карпова, Русскій Лицевой Апокалипсисъ подъ ред. Ѳ. И. Буслаева, Источники русской агіографіи Н. П. Барсукова и рядъ другихъ цѣнныхъ изданій, врядъ ли бы когда-либо увидѣвшихъ свѣтъ въ такомъ великолѣпномъ видѣ при другихъ условіяхъ. Общество намѣревалось издать и описаніе волоколамскихъ рукописей о. Арсенія, Богатырское слово Е. В. Барсова, изборникъ 1076 г. (послѣднее по предложенію пишущаго эти строки), но habent sua fata libelli, это были «добрыя намѣренія»... Научные взгляды князя сводились къ слѣдующимъ положеніямъ: «Ломоносовъ, Татищевъ, Тредьяковскій, Щекатовъ, Озерецковскій, Лепехинъ и многіе другіе учились и подвизались подъ сильнымъ вліяніемъ европейской науки,—писалъ князь въ 1876 году,—но они оставили по себѣ труды, свидѣтельствующіе о ихъ *самостоятельности* и *самодѣятельности* во всѣхъ вопросахъ, относящихся до *родного* края. Въ позднѣйшихъ русскихъ изслѣдованіяхъ можно прослѣдить мысли Гримма и Макса Мюллера, примѣняемыя какъ будто механическимъ способомъ, причемъ изслѣдователи *не удостоивали*

родной, сырой матеріалъ не только любви, но даже и вниманія, какъ будто бы все дѣло состояло въ акклиматизаціи у насъ мечтательныхъ, мимоходныхъ модныхъ теорій и постоянно колеблющихся направленій, прослѣживаемыхъ германскими учеными при ихъ разработкахъ всемірныхъ памятниковъ. Для насъ, занимающихся обнародованіемъ матеріаловъ для составленія инвентаря умственнаго и духовнаго богатства *русскаго* народа, нельзя достаточно воздерживаться отъ покушенія *заимствовать* орудія современной научной критики, выработавшейся на вполнѣ изученныхъ и наперечетъ извѣстныхъ классическихъ памятникахъ, но вѣрить на слово разцѣнкѣ и сортировкѣ, сдѣланной чуждыми намъ людьми, съ точки зрѣнія, установившейся внѣ русской среды, подрываетъ въ своихъ основаніяхъ возможность достигнуть когда-либо приведенія въ извѣстность накопленнаго въ теченіе столѣтій нашего умственнаго богатства» (Соч. кн. П. П. Вяземскаго, стр. 41 и 372). Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что отъ даннаго матеріала зависятъ методы его разработки, а слѣдовательно и получаемые выводы. Рядомъ съ этимъ нельзя не замѣтить и того глубокаго патріотическаго чувства, которое князь Павелъ Петровичъ питалъ къ прошлому своей родины. Старый Рюриковичъ, князь Вяземскій былъ не только европейски образованнымъ, но и постоянно русскимъ человѣкомъ, и тотъ, кому выпало счастье личныхъ бесѣдъ съ княземъ, кто работалъ при весеннемъ зарожденіи нашего Общества, всегда сохранитъ теплое, благодарное чувство о его мощномъ основателѣ.

П. Шляпкинъ.

VIII

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ со дня основанія Общества Любителей Древней Письменности и протекло 14 лѣтъ со дня кончины его основателя князя П. П. Вяземскаго. Чувство глубокой благодарности побуждаетъ меня разсказать то немногое, что мнѣ пришлось видѣть и слышать о покойномъ въ послѣдніе два года его жизни. Я прошу снисхожденія читателей къ моему разсказу.

Я былъ еще юношей, когда впервые узналъ князя Павла Петровича. Онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Высокій ростомъ и страшный видомъ, князь казался мнѣ какимъ-то сказочнымъ богатыремъ. Его мужественная фигура съ всклокоченными сѣдыми волосами возбуждала во мнѣ какой-то необъяснимый страхъ, но страхъ этотъ быстро исчезалъ съ первымъ его словомъ. Князь отличался простотой, и мнѣ казалось, что у него не было рѣзкаго различія въ обращеніи съ людьми разныхъ ранговъ и положеній.

Въ 1886 году мнѣ пришлось провести два лѣтнихъ мѣсяца въ с. Остафьевѣ, имѣніи князя, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, и близко видѣть домашнюю жизнь князя. Я помню, когда подъ вечеръ прекраснаго іюньскаго дня я подъѣзжалъ къ Остафьеву по Подольской дорогѣ. Величественными показались мнѣ утопавшіе въ зелени и храмъ Бо-

жій, и Остафьевскій домъ съ его колонадами и флигелями. Внѣшній видъ дома соотвѣтствовалъ внутреннему. Съ юношескимъ любопытствомъ я принялся за осмотръ его. Высокія комнаты нижняго этажа были полны богатствами старины. При входѣ комната сверху до низу увѣшана картинами, преимущественно церковнаго содержанія; налѣво двѣ гостинныя и угловая спальня князя, напоминавшая скорѣе моленную старообрядца. Направо рядъ комнатъ, сплошь заставленныхъ шкафами съ книгами. Всѣ эти комнаты выходятъ на главный фасадъ дома; къ сторонѣ же парка, съ его липовой аллеей, примыкаетъ большой круглый куполообразный залъ, въ декоративной росписи своей носящій слѣды собственноручныхъ трудовъ князя. Рядомъ съ этимъ заломъ комната, называющаяся старой столовой, вся увѣшана различнымъ оружіемъ, фарфоромъ и другими старинными вещами. Этой комнатѣ вполнѣ подходило бы названіе музея. Вверху одна комната носитъ названіе «Карамзинской»; въ ней теперь собраны предметы, относящіеся къ памяти великихъ писателей: Карамзина, Пушкина, бывшаго хозяина Остафьева, князя П. А. Вяземскаго, и многихъ другихъ.

Въ упоминаемое лѣто князь жилъ въ Остафьевѣ совершенно уединенно. Тяжелая болѣзнь, перенесенная имъ въ 1882 году, оставила на немъ свои глубокіе слѣды. Только 29 іюня, въ день ангела князя, Остафьево оживилось многолюднымъ съѣздомъ гостей. Въ этотъ день его посѣтили близкіе родственники, его дочь графиня Е. П. Шереметева, пріѣзжавшая съ мужемъ и дѣтьми изъ с. Михайловскаго, и немногіе другіе. Остафьевскіе крестьяне, по обыкновенію, также приходили поздравить князя. Обычный день князя начинался въ 7—8 час. и дѣлился между кабинетными занятіями и не-

большими прогулками въ паркѣ. Передъ утреннимъ чаемъ (который заваривался чрезвычайно крѣпко и скорѣе походилъ на кофе) князь неизмѣнно выходилъ на галлерею и своимъ густымъ басомъ дружественно приглашалъ къ себѣ двухъ дворняжекъ-щенковъ, громко возглашая: «Османъ! Мурза! пожалуйте ко мнѣ кушать чай», и они послушно слѣдовали за нимъ въ библіотеку, зная, что ихъ ожидаетъ тамъ обычная порція — французская булка. Булка отдавалась не сразу, а небольшими кусками. Меня всегда занимала его простодушная бесѣда съ этими животными, его укоры хитрой Мурзѣ: «А-а-а, ты не хочешь ко мнѣ идти», — говорилъ князь,— «ты хитрая. Османъ, поди сюда!» и Османъ безцеремонно забирался съ грязными лапами на колѣни къ князю. Въ хорошую погоду князь пилъ утренній чай въ липовой аллеѣ передъ домомъ. Ложился спать около 11-ти часовъ, но въ его спальнѣ еще долго можно было видѣть огонь: князь имѣлъ обыкновеніе читать въ постели.

Въ часы отдыха отъ кабинетныхъ трудовъ князь иногда занимался различными перестановками въ домѣ, перевѣшиваніемъ картинъ и украшеніемъ круглаго зала. Еще задолго до упоминаемаго времени, имъ самимъ былъ расписанъ потолокъ этого зала историческими фигурами, но эта роспись, очевидно, не вполнѣ удовлетворяла эстетическому чувству князя. Чтобы придать больше жизненности декоративной росписи, онъ рѣшилъ по живописнымъ драпировкамъ, расположеннымъ по барьеру, за которыми играетъ хоръ музыкантовъ въ костюмахъ XVIII вѣка, сдѣлать натуральную. Для этого рѣзались пополамъ великолѣпныя шитыя скатерти и деревенскимъ столяромъ прибивались на указанныя княземъ мѣста. Къ деревьямъ, подъ которыми изображены музыканты, были при-

дѣланы натуральные сучья съ листьями. Но такъ какъ зеленые листья неизбѣжно завяли бы и осыпались, то ихъ предварительно, по мысли князя, варили въ особомъ клею и потомъ уже приколачивали на мѣсто. При этомъ, конечно, не обходилось безъ сценъ. Глухой столяръ, не разслышавъ, что ему говорилъ князь, дѣлалъ не то, что нужно. Князь раздражался и прогонялъ его съ лѣстницы. Иногда казалось, что вотъ-вотъ онъ самъ полѣзетъ на высокую лѣстницу. Князь и сдѣлалъ бы это, но ему не позволяло ни его здоровье, ни тучность. Всегда оканчивалось тѣмъ, что князь вновь спокойно повторялъ указаніе, и столяръ принимался за дѣло. Нерѣдко можно было видѣть князя занятымъ наклеиваніемъ рисунковъ въ громадные альбомы или рисованіемъ. Онъ занимался этимъ преимущественно тогда, когда, ради болѣзни, не могъ писать. Къ сожалѣнію, у него не хватало терпѣнія; хорошо начатый рисунокъ онъ рѣдко когда оканчивалъ.

Переѣздъ изъ Остафьева въ Петербургъ совершился раньше обыкновеннаго. Еще весною было получено изъ Баденъ-Бадена извѣстіе о болѣзни престарѣлой матери князя, княгини Вѣры Ѳедоровны. Навѣстить больную уѣхали прямо изъ Петербурга молодой князь и княжна. Вѣсти изъ Бадена были тревожныя; преклонныя лѣта княгини, у которой покойный Императоръ Вильгельмъ I собирался отпраздновать столѣтнюю годовщину, мало подавали надежды на выздоровленіе. Наконецъ, было получено печальное извѣстіе о кончинѣ княгини. Начались хлопоты по перевезенію тѣла изъ Бадена въ Петербургъ для погребенія въ Александро-Невской Лаврѣ. Въ концѣ іюля князь долженъ былъ покинуть любимое имъ Остафьево. Деревенскій воздухъ благопріятно дѣйствовалъ на князя; все лѣто онъ чувствовалъ себя видимо здоровымъ и бодрымъ, хотя и страдалъ удушьемъ.

Въ Петербургѣ же, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ нимъ случилось нѣсколько припадковъ удушья, при чемъ во время нѣкоторыхъ припадковъ можно было бояться печальнаго исхода, только желѣзная натура князя спасала его отъ смерти.

Конецъ августа 1886 года имѣетъ важное значеніе въ моей жизни: въ это время рѣшалась моя судьба о поступленіи въ Общество. Принимая меня на службу, князь выразилъ сомнѣнія, справлюсь ли я со своими обязанностями. «Ты очень малъ», сказалъ князь. Не обошлось при этомъ безъ его отеческаго внушенія. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой могучую фигуру князя, говорящаго мнѣ, какъ въ складѣ можно научиться многому полезному. Я никогда не забуду его разговора со мной въ липовой аллеѣ Остафьевскаго парка. Я былъ еще «не у дѣлъ», и князь, по свойственному ему добросердечію, заботился о моемъ положеніи. Онъ говорилъ о томъ, какъ выгодно заниматься дѣлами коммерческими, и совѣтовалъ мнѣ поступить въ какое-либо торговое заведеніе.

Въ Петербургѣ жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Какъ сенаторъ, князь два раза въ недѣлю аккуратно ѣздилъ въ Сенатъ. Въ послѣднее время онъ присутствовалъ въ Департаментѣ Герольдіи. Помимо служебныхъ обязанностей, онъ очень много времени отдавалъ кабинетнымъ занятіямъ. Князь усидчиво работалъ надъ какимъ-то сочиненіемъ, кажется, переводомъ съ французскаго. Чтобы ему никто не мѣшалъ въ его занятіяхъ, весною 1887 года князь задумалъ перебраться въ отдѣльное помѣщеніе. Онъ намѣтилъ для этого въ томъ же Фонтанномъ домѣ особый небольшой флигель, примыкающій къ зданію Екатерининскаго Института, куда и переселился въ концѣ августа. Въ комнатѣ, выходящей окнами на Фонтанку,

онъ устроилъ свой кабинетъ: спальня же выходила окнами во дворъ.

Лѣто 1887 г. князь, противъ обыкновенія, провелъ въ Петербургѣ. Онъ очень хотѣлъ поѣхать въ свое Остафьево, но его что-то удержало. Въ это лѣто часто можно было видѣть князя изъ оконъ склада прогуливающимся въ саду, въ своемъ «историческомъ» сюртукѣ, отливавшемъ всѣми цвѣтами радуги, съ заложенной назадъ рукой, въ которой держалъ толстую болгарскую папиросу, и опирающимся на палку. Ему нерѣдко сопутствовалъ проживавшій въ этомъ же домѣ Мих. Ник. Толстой, съ которымъ князь былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Неожиданная кончина Толстого въ маѣ мѣсяцѣ искренно огорчила князя.

Болѣзнь все болѣе и болѣе удаляла князя отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Общества. Засѣданія посѣщались имъ чрезвычайно рѣдко, ужины какъ-то сами собой прекратились, и самыя засѣданія сократились на половину. Лѣтомъ князь все-таки еще частенько заглядывалъ по утрамъ въ складъ, заходя изъ сада. Его медленная, тяжелая походка издали возвѣщала о его приходѣ. Здѣсь садился онъ за большимъ столомъ противъ шкафа съ рукописнымъ его собраніемъ и разсматривалъ рукописи и книги. Князь любилъ во всемъ порядокъ, и малѣйшее отступленіе сильно волновало его. Долго служившій въ складѣ И. И. Смирновъ нерѣдко отсутствовалъ во время прихода князя. Всегда приходилось отвѣчать князю, что Смирновъ ушелъ куда-либо по дѣламъ Общества, но князь зналъ настоящую причину отсутствія и приказывалъ, чтобы Смирновъ потомъ зашелъ къ нему. Тамъ наединѣ князь обрушивался своимъ гнѣвомъ, и бѣдному Смирнову доставалось порядкомъ. Гнѣвъ князя, впрочемъ, никогда не былъ

продолжителенъ. Не даромъ, по словамъ графа С. Д. Шереметева, Остафьевскій Миронъ Безпутный называлъ князя «Филаретомъ Милостивымъ». Онъ дѣйствителѣно былъ добръ и милостивъ.

Какъ образецъ непоказной доброты князя, я приведу слѣдующій фактъ. Весною 1886 года было приступлено къ изданію житія св. Саввы Освященнаго. Для списыванія текста со старинной рукописи былъ рекомендованъ княземъ нѣкто Ѳедоръ Елисѣевъ, котораго князь цѣнилъ, какъ человѣка, полезнаго для Общества. Елисѣевымъ было переписано на прозрачную бумагу нѣсколько рукописей для изданій Общества литографическимъ способомъ; напримѣръ: житіе пр. Нифонта, житіе Ѳедора Едесскаго и нѣсколько другихъ. Ѳедоръ Елисѣевъ, вначалѣ трезвый и старательный работникъ, впослѣдствіи сильно пристрастился къ вину и дошелъ до крайне бѣдственнаго положенія. Не смотря на это, князь не переставалъ оказывать ему поддержку. Однажды Елисѣевъ дошелъ до того, что у него не было гроша въ карманѣ. Князь и тутъ пришелъ къ нему на помощь: онъ купилъ у Елисѣева совершенно ненужные ему рисунки, заплативъ за нихъ очень высокую сумму.

Зимой 1888 года князь уже частенько прихварывалъ. Онъ рѣдко покидалъ свою квартиру и также рѣдко кого принималъ къ себѣ. Онъ, повидимому, былъ доволенъ своимъ одиночествомъ.

Наступила весна, послѣдняя въ жизни князя. Не даромъ въ то время его тянуло куда-то въ даль, вонъ изъ Петербурга, въ любимое имъ Остафьево, Крымъ и проч. Князь рѣшился было ѣхать въ Севастополь, но когда доктора, лѣчившіе его, представили ему всю трудность дальняго путешествія и посовѣтовали переѣхать въ Старую Руссу, князь согласился

на это, лишь только бы не оставаться въ городѣ. Стремленіе князя покинуть городъ было вполнѣ естественно. Его болѣзненный организмъ требовалъ чистаго, здороваго воздуха. Въ Старой Руссѣ была нанята дача, но князю не суждено было воспользоваться ею. Такъ какъ хотя болѣзнь слишкомъ обострился, то князь вынужденъ былъ остаться въ Петербургѣ.

Однажды князь призвалъ меня къ себѣ и далъ порученіе купить для него планъ Петербурга. Я исполнилъ его желаніе. Когда я принесъ планъ, князь сидѣлъ въ кабинетѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ въ креслѣ. Я давно не видалъ князя, и меня сильно поразилъ его болѣзненный, исхудалый видъ, но въ голосѣ я не замѣтилъ перемѣны. Князь спросилъ меня, знаю ли я, гдѣ находится звѣринецъ. Слово «звѣринецъ» меня смутило: я зналъ «зоологическій садъ», и князь, видя мое замѣшательство, пояснилъ мнѣ и, показывая рукою на планъ, сказалъ: «Вы походите около звѣринца и поищите для меня дачу-особнячекъ». Этого порученія мнѣ не пришлось исполнить.

Въ тѣ проблески жизни, когда здоровье нѣсколько возвращалось къ князю, онъ посѣщалъ книготорговцевъ и антикваріевъ, покупая у нихъ древнія вещи и книги для пополненія своего собранія. Въ то же время онъ усиленно продолжалъ заниматься сочиненіями. Одно изъ сочиненій, по мысли князя, должно было быть иллюстрировано, и онъ старательно раскрашивалъ литографированные портреты какихъ-то иностранцевъ, военныхъ, штатскихъ и дамъ. Въ этомъ помогалъ князю являвшійся почти ежедневно художникъ П. Я. Красницкій, нынѣ также покойный. Сочиненіе это должно быть въ Остафьевскомъ архивѣ. Я какъ сейчасъ вижу синій крашенинный переплетъ домашняго изданія—это оригиналъ сочи-

на это, лишь только бы не оставаться въ городѣ. Стремленіе князя покинуть городъ было весьма естественно. Его болѣзненный организмъ требовалъ чистаго, здороваго воздуха. Въ Старой Руссѣ была нанята дача, но князю не суждено было воспользоваться ею. Такъ какъ ходъ болѣзни слишкомъ обострился, то князь вынужденъ былъ остаться въ Петербургѣ.

Однажды князь призвалъ меня къ себѣ и далъ порученіе купить для него планъ Петербурга. Я исполнилъ его желаніе. Когда я принесъ планъ, князь сидѣлъ въ кабинетѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ въ креслѣ. Я давно не видалъ князя, и меня сильно поразилъ его болѣзненный, исхудалый видъ, но въ голосѣ я не замѣтилъ перемѣны. Князь спросилъ меня, знаю ли я, гдѣ находится звѣринецъ. Слово «звѣринецъ» меня смутило; я зналъ «зоологическій садъ», и князь, видя мое замѣшательство, пояснилъ мнѣ и, показывая рукою на планѣ, сказалъ: «Вы походите около звѣринца и поищите для меня дачку-особнячекъ». Этого порученія мнѣ не пришлось исполнить.

Въ тѣ проблески жизни, когда здоровье нѣсколько возвращалось къ князю, онъ посѣщалъ книготорговцевъ и антикваріевъ, покупая у нихъ древнія вещи и книги для пополненія своего собранія. Въ то же время онъ усиленно продолжалъ заниматься сочиненіями. Одно изъ сочиненій, по мысли князя, должно было быть иллюстрировано, и онъ старательно раскрашивалъ литографированные портреты какихъ-то иностранцевъ, военныхъ, штатскихъ и дамъ. Въ этомъ помогалъ князю являвшійся почти ежедневно художникъ И. Я. Красницкій, нынѣ также покойный. Сочиненіе это должно быть въ Остафьевскомъ архивѣ. Я какъ сейчасъ вижу синій крашениный переплетъ домашняго издѣлія—это оригиналъ сочи-

ненія; кромѣ того, должна быть копія, писанная четкимъ писарскимъ почеркомъ.

Собираясь покинуть Петербургъ, князь всѣ книги, вещи и проч., включительно до мелочей, уложилъ въ ящики и отправилъ въ Остафьево.

За мѣсяцъ до кончины князь переселился изъ своей квартиры въ большой Фонтанный домъ, чтобы быть поближе къ саду. Въ это время онъ уже лишился движенія ногъ, и его вывозили въ садъ въ креслѣ. Страданія его достигли высшей степени; малѣйшее прикосновеніе къ его тѣлу причиняло ему страшную боль, но онъ переносилъ все это съ величайшимъ терпѣніемъ. Образовавшаяся водянка быстро развивалась. Князь не могъ уже лежать и долженъ былъ постоянно сидѣть, обложенный подушками. Печальный конецъ приближался быстрыми шагами; надежды на выздоровленіе не было никакой. Доктора были безпомощными свидѣтелями борьбы сильнаго организма князя съ приближавшеюся смертью. За нѣсколько дней до смерти князь причастился Св. Таинъ. Удивительно, что онъ и въ это время не думалъ, что положеніе его безнадежно. Онъ пожелалъ причаститься только потому, что, не видя помощи отъ врачей земныхъ, думалъ получить ее отъ Врача Небеснаго.

Наступилъ день Свв. Апостолъ Петра и Павла — день ангела князя. Старый его слуга Семенъ Тимооеевъ, всегда спавшій вблизи князя, рано утромъ замѣтилъ, что князь тяжело вздохнулъ и затихъ... Это было ровно въ пять съ половиной часовъ утра. Тишина была слишкомъ тревожная. С. Тимооеевъ осторожно подошелъ къ постели князя, на которой онъ сидѣлъ. Князь не дышалъ, онъ скончался... Тогда скоро разбудили всѣхъ въ домѣ, извѣстили княгиню. Когда я

вошелъ въ спальню князя, онъ лежалъ на постели. Я прикоснулся къ тѣлу, оно было теплое, но бездыханное...

Дальнѣйшая жизнь показала мнѣ, насколько потеря эта для меня была не вознаградима.

Память о покойномъ всегда сохраняется въ моей душѣ.

Н. Т.

6 августа
1902 г.

IX

Воспоминанія о князѣ Павлѣ Петровичѣ Вяземскомъ *).

Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.
Слово о полку Игореве.

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ.
Пушкинъ.

До 1868 года я не былъ знакомъ съ княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ и почти что не встрѣчалъ его: слухи о немъ до меня, однако же, доходили, хотя довольно смутные, и я, помня его фигуру, представлялъ себѣ человѣка сурового и тяжелаго, нисколько не похожаго на своего отца, съ которымъ случалось иногда встрѣчаться, преимущественно у принца П. Г. Ольденбургскаго. Позднѣе, слышалъ я о князѣ, какъ о ревностномъ посѣтителѣ театровъ и клубовъ, а также загородныхъ увеселительныхъ заведеній, но болѣе всего доходили слухи о необыкновенномъ его аппетитѣ. Будучи знакомъ со всею семьею, не исключая княгини Вѣры Ѳеодоровны, меня нѣсколько озабочивало знакомство съ княземъ Павломъ Петровичемъ, о которомъ у меня были самыя сбивчивыя понятія.

16 апрѣля 1868 года, когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ домъ князя Вяземскаго на Почтамтской, мнѣ предстояло

*) Статья эта была напечатана въ „Пантеонѣ Литературы" 1889 года.

первое знакомство съ княземъ. Помню, какъ сидѣлъ я въ кабинетѣ княгини, когда послышались въ сосѣднихъ комнатахъ тяжелые шаги: я поспѣшилъ пойти навстрѣчу князю. Быстрыми, но тяжелыми шагами, какъ бы переваливаясь, подходилъ князь Павелъ Петровичъ, неряшливо одѣтый, со всклокоченными волосами. Онъ порывисто подошелъ ко мнѣ, обнялъ... и зарыдалъ!..—Такъ вотъ онъ какой, князь Павелъ Петровичъ, сказалъ я себѣ—и сразу установились тѣ добрыя отношенія, которыя въ 20 лѣтъ не измѣнялись до конца. Чуть ли не на слѣдующій день князь Павелъ Петровичъ отправился съ визитомъ къ моему отцу и долго сидѣлъ у него. Отецъ мой былъ въ восхищеніи отъ князя Павла Петровича, и впослѣдствіи ему всегда бывало пріятно его встрѣчать; отецъ всегда оживлялся и веселѣлъ даже, когда говорили о князѣ Павлѣ Петровичѣ: и фигура ему нравилась, и оригинальность его, «и кушаетъ такъ хорошо», добавлялъ мой отецъ. То же замѣтилъ я въ князѣ Павлѣ Петровичѣ: онъ относился къ отцу весьма почтительно, и изъ позднѣйшихъ разговоровъ я могъ заключить, какъ быстро и мѣтко онъ схватилъ тѣ черты характера и склада моего отца, которыя вовсе не замѣчались и не понимались.

Въ домѣ князя Абамелекъ, на Большой Морской, гдѣ жили въ 1868 году князь Петръ Андреевичъ и княгиня Вѣра Ѳеодоровна, не разъ случалось мнѣ видѣть князя Павла Петровича у его родителей. Къ отцу онъ заходилъ въ его кабинетъ, а потомъ присаживался на короткое время у матери. Изрѣдка случалось видѣть князя Петра Андреевича, слегка подшучивающаго надъ сыномъ, при чемъ извѣстная язвительная улыбка соединялась съ тѣмъ простодушіемъ, о которомъ говоритъ Пушкинъ.

Въ первые годы знакомства моего съ княземъ Павломъ Петровичемъ я засталъ его въ Петербургѣ, въ его домѣ на Почтамтской, погруженнаго въ историческія изслѣдованія. Онъ приходилъ въ гостинную княгини, сидѣлъ около получаса и удалялся въ свой кабинетъ. Помню хорошо этотъ кабинетъ, обставленный библіотечными шкафами краснаго дерева съ бронзой, съ грудой наваленныхъ книгъ на письменныхъ столахъ и на полу. Казалось, нѣтъ хуже безпорядка, а въ этой грудѣ книгъ всегда находилось то именно, что нужно, и въ этомъ сочетанія лавки bric à brac и букиниста съ мастерскою художника все дѣйствительно было художественно. Скоро можно было разобрать, что это не простой безпорядокъ и не случайный подборъ вещей старьевщика, а что надъ всею этою кажущеюся неурядицею господствуетъ ясная, глубокая мысль.

Не только его кабинетъ на Почтамтской, всѣ жилыя комнаты его дома представляли изъ себя настоящій музей. Онѣ были украшены картинами, портретами, люстрами, зеркалами; тутъ были и старинные часы съ курантами, и старая бронза, и экраны (на одномъ изъ нихъ было шитое изображеніе амура съ повязанными глазами, а надъ нимъ надпись «Puisse-t-il arriver à son but»). Тутъ была и мебель, неуклюжая, тяжелая мебель, обитая желтой тканью, принадлежавшая чуть-ли не королевѣ Изабеллѣ, и громадныхъ размѣровъ картина, изображавшая бракосочетаніе царицы кипрской Екатерины Корнаро.

Въ маленькой гостиной стояли шкафы и кресла en marquetterie, купленные княземъ въ Голландіи, портреты разныхъ историческихъ лицъ, статуи, бронза, статуэтки, вазы и пр.

Особенно изящно была отдѣлана лѣстница. Статуи и вдѣланныя въ стѣнахъ картины напоминали лѣстницы итальян-

скихъ домовъ. Вещи эти далеко не всегда оставались неприкосновенными: онѣ замѣнялись другими, переходили на другое мѣсто. Сколько пришлось мнѣ видѣть такихъ превращеній, смотря по тому, что̀ въ извѣстное время болѣе занимало князя, или, лучше сказать, поглощало его, потому что онъ каждымъ дѣломъ увлекался, занимаясь запоемъ, пока оно не отходило въ сторону и не замѣнялось другою работою, къ которой онъ относился точно такъ же! Но прежнее дѣло не бросалось, а бережно откладывалось и сохранялось въ различныхъ тайникахъ, пока не сосредоточилось все это въ Остафьевѣ. Впрочемъ, это скорѣе можно отнести къ его письменнымъ работамъ, а вещи и предметы искусства часто мѣнялись, продавались и замѣнялись новыми.

Въ годы, проведенные нами на Почтамтской, князь частенько посѣщалъ толкучку, гдѣ всѣ его знали. За обѣдомъ, бывало, сообщалъ онъ о новой находкѣ, разъяснялъ значеніе того или другого предмета, и былъ всегда своеобразенъ и занимателенъ.

Въ этомъ Почтамтскомъ домѣ возникло Общество Любителей Древней Письменности. Мы въ это время занимали прежнюю квартиру князя и княгини, а они переѣхали въ нижній этажъ дома, который очень скоро также превратился въ музей, но уже въ иномъ родѣ. Большіе библіотечные шкафы отосланы были въ Остафьево. Мой кабинетъ находился тамъ, гдѣ прежде была библіотека князя, а сидѣли обыкновенно въ смежной съ нею комнатѣ. Разъ пришелъ онъ ко мнѣ въ хорошемъ настроеніи духа и разговорился о давней своей мечтѣ основать общество, которое положило бы себѣ цѣлью сохранять посредствомъ печати сокровища нашихъ неисчерпаемыхъ памятниковъ письменности. При этомъ онъ скорбѣлъ о труд-

ности такого предпріятія у насъ въ Россіи, и о недостаточномъ сознаніи его пользы и значенія. Я позволилъ себѣ замѣтить, что дѣло это представлялось мнѣ болѣе возможнымъ, нежели оно ему казалось; что я знаю многихъ, готовыхъ сочувствовать и содѣйствовать такому предпріятію, и назвалъ нѣсколько именъ. Князь оживился; онъ предложилъ мнѣ заняться переговорами съ лицами, сочувствующими обществу, и добавилъ: «я на это не способенъ». На самомъ же дѣлѣ всѣ сношенія были ведены имъ лично. Такъ дѣло и состоялось. Первымъ присоединился графъ А. В. Бобринской, за нимъ другіе. Въ числѣ первыхъ членовъ-основателей Общества были: митрополиты Платонъ и Макарій, г. фельдмаршалъ князь Барятинскій. Въ архивѣ Общества имѣются бумаги, служащія доказательствомъ живого сочувствія фельдмаршала цѣлямъ Общества. Закипѣла работа, князь воспрянулъ со всею страстью своей удивительной натуры и, вдохновляемый высокою задачею, принялся за дѣло, обдумывалъ и писалъ уставъ, собиралъ матеріалы, работалъ неустанно.

Наступилъ 1877 годъ. Напрасно отголоски внѣшней бури грозили вторженіемъ въ его внутренній міръ. Онъ отражалъ удары мѣткимъ словомъ, изреченіемъ, полнымъ государственнаго смысла, и продолжалъ свое дѣло—работая непрестанно и неутомимо. Въ самый разгаръ войны возникаетъ и утверждается Общество Любителей Древней Письменности.

. . . . . .

Въ Остафьевѣ заставалъ я его нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Здѣсь жилъ онъ, какъ мудрецъ и аскетъ, вкушая въ полной степени тотъ покой, otium cum dignitate, который плодотворнѣе иной, повидимому, блестящей дѣятельности.

Привѣтствую тебя, въ минувшемъ молодѣя,
Давнишнихъ дней пріютъ души моей Помпея!

Такъ описывалъ Остафьево князь Петръ Андреевичъ:

Предъ домомъ круглый лугъ, за домомъ темный садъ,
Тамъ роща, тамъ оврагъ съ ручьемъ, кургановъ рядъ,
Нѣмая лѣтопись о безъимянной битвѣ;
Бѣлѣетъ надъ прудомъ пристанище молитвѣ,
Домъ Божій, всѣмъ скорбямъ гостепріимный домъ,
Тамъ привлекаютъ взоръ далече и кругомъ
Въ прозрачной синевѣ просторной панорамы
Широкія поля, селенья, Божьи храмы,
Лѣса, какъ темный паръ, поемные луга
И миловидные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользящей вдоль луговъ струей своей лѣнивой.
. . . . . .
Вотъ ретивая пѣснь несется вдалекѣ—
То грянетъ удалью, то вдругъ замретъ въ тоскѣ
И свѣтлымъ облакомъ на сердцѣ тихо ляжетъ,
И много думъ ему напомнитъ и доскажетъ.
Но постепенно дня стихаютъ голоса,
Серебряная ночь взошла на небеса,
Все полно тишины, сіянья и прохлады.
Вдоль блещущихъ столбовъ прозрачной колонады
Задумчиво брожу, предавшись весь мечтамъ,
И зыбко тѣнь моя ложится по плитамъ.
И съ нею прошлыхъ лѣтъ и милыхъ поколѣній
Изъ глубины ночной выглядываютъ тѣни.
Я вопрошаю ихъ, прислушиваюсь къ нимъ,
И въ сердцѣ отзывъ есть привѣтамъ ихъ роднымъ.

Не менѣе отца своего дорожилъ Остафьевымъ князь Павелъ Петровичъ. Своимъ присутствіемъ онъ связывалъ прошлое съ настоящимъ, и заботы его объ Остафьевѣ прекратились только съ концомъ его жизни. Сюда сосредоточено все собраннее имъ въ теченіе жизни; раскрашенные имъ самимъ потолки большой залы съ различными фигурами, своими раз-

нообразными типами должны были напоминать ему видѣнныя въ жизни лица: это была, своего рода, «автобіографія»; облака впослѣдствіи, подъ руководствомъ князя, додѣланы деревенскимъ маляромъ. Первые года, когда мы живали въ Остафьевѣ, князь занимался всегда въ старой библіотекѣ у письменнаго стола своего отца, а спалъ наверху.

Позднѣе онъ переѣхалъ въ нижній этажъ и окончательно поселился въ бывшей спальнѣ князя Петра Андреевича; занятъ онъ былъ постоянно и приходилъ только къ обѣду; иногда по вечерамъ сиживалъ онъ въ прихожей, увѣшанной изображеніями святыхъ, картинами, привезенными имъ изъ западныхъ монастырей. Въ Остафьевѣ князь былъ вполнѣ у себя домá, окруженный памятниками и памятью прошлаго, цѣлымъ музеемъ, исключительно почти имъ составленнымъ. Помню, какъ однажды онъ сообщилъ, что окончилъ какое-то изслѣдованіе. Такихъ работъ, должно быть, не мало найдется въ Остафьевѣ.

Такъ продолжалось до роковой его болѣзни, вынудившей его оставить постъ начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Назначеніе его на этотъ постъ, въ самомъ началѣ нынѣшняго царствованія, было неожиданностью. Общество Любителей Древней Письменности было уже въ полномъ ходу и процвѣтало. Новое назначеніе опять оживило князя. Этотъ періодъ его жизни не лишенъ значенія, и бумаги, имъ оставленныя, объяснятъ, какимъ онъ былъ на этомъ отвѣтственномъ посту. Онъ держался вполнѣ независимо, что могло не нравиться многимъ, но потому-то именно онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Послѣ болѣзни князь не могъ уже вернуться къ прежней дѣятельности; надобно удивляться, какъ онъ могъ поправиться еще настолько. Онъ чувствовалъ, что онъ уже не тотъ, какимъ былъ, и это было ему прискорбно; онъ началъ чуждаться людей

и мало-по-малу удалялся все болѣе и болѣе въ глубь своего кабинета. Это отразилось и на Обществѣ: онъ пересталъ ходить на засѣданія, хотя заглядывалъ еще иногда днемъ въ музей и управлялъ тамъ работами. Кто его зналъ до болѣзни, тотъ не могъ примириться съ этою перемѣною. Еще нѣсколько лѣтъ держались силы князя. Онъ успѣлъ съ внуками съѣздить въ Баденъ и тамъ навѣстилъ свою мать. Во время этой поѣздки, судя по разсказамъ, князь былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Не мало было съ нимъ любопытныхъ и типичныхъ эпизодовъ, рисующихъ князя съ совершенно иной стороны. Весьма жаль, что эта поѣздка не записана. Окончательный поворотъ къ худшему начался съ кончиною княгини Вѣры Ѳеодоровны. Работать онъ уже не могъ по прежнему; писалъ мало, почеркъ измѣнился, сдѣлался гораздо мельче; по временамъ онъ клеилъ, собиралъ вещи въ альбомы, рисовалъ, приводилъ въ порядокъ и постепенно переправлялъ въ Остафьево.

Послѣднее лѣто 1887 года еще было нѣкоторое улучшеніе; замѣтно было какое-то искусственное возбужденіе жизни, съ значительнымъ усиленіемъ раздражительности и подозрительности. Онъ еще пользовался и наслаждался нашимъ городскимъ садомъ, въ которомъ усиленно занимался составленіемъ своеобразныхъ записокъ, о которыхъ говорилъ съ оживленіемъ прежнихъ лѣтъ. Это была послѣдняя вспышка потухающаго огня. Развившаяся неправильность сердца имѣла послѣдствіемъ водянку и удушье, сломившія, наконецъ, его богатырскую силу.

Кто-то спросилъ его въ этомъ году, почему онъ все болѣе и болѣе отъ всѣхъ отдаляется? «Развѣ вы не знаете,—отвѣчалъ князь,—что когда старый волкъ умираетъ, онъ уходитъ въ глубь лѣса?»

Не забуду я, когда зимою 1888 года пришелъ я къ нему проститься передъ отъѣздомъ въ Москву. Въ его новомъ помѣщеніи, годъ тому назадъ отдѣланномъ и обставленномъ тканями и шитыми цвѣтами—теперь было совершенно пусто... Среди комнаты стоялъ вѣнскій стулъ, столикъ и простая кровать. Я давно не видѣлъ князя и былъ пораженъ перемѣною. Я такъ былъ смущенъ, что стоялъ неподвижно—«это смерть», сказалъ я себѣ. Князь, всегда внимательно всматривавшійся въ выраженія лицъ, конечно, понялъ, что выражало мое молчаніе. «Вы можете располагать моею комнатою», сказалъ онъ, тяжело вздыхая: его уже мучило удушье. «Что вы, князь», говорю ему.—«Да, да, располагайте ею, отдайте внаймы... я уѣзжаю», сказалъ онъ отрывисто, «собираюсь въ Остафьево,—въ Старую Русу, въ Севастополь; доктора сообщаютъ, что протянется до августа; что-жъ, это хорошо», при этомъ князь улыбнулся. Я стоялъ, не зная, что говорить. «Я здѣсь теперь сижу», продолжалъ князь, «все убрано, уложено—все отправлено въ Остафьево и архивъ мой въ Остафьевѣ», сказалъ онъ, какъ бы подчеркивая... «Вотъ я здѣсь сплю»,—сказалъ онъ, какъ-то просто и такъ, какъ говорятъ дѣти—и выраженіе сдѣлалось кроткое, дѣтское—«ночью я съ постели упалъ, еле подняли»... Я смотрѣлъ ему въ глаза: доброе было выраженіе. Я не выдержалъ: «прощайте, князь, до свиданія; опять скоро буду; до свиданія». Онъ понялъ; пожалъ руку крѣпко и смотрѣлъ пристально и ласково... Прошло еще нѣсколько времени. Пріѣзжаю опять въ Петербургъ; говорятъ мнѣ—никого не принимаетъ; объ васъ спрашивалъ; прошу я о себѣ доложить; на этотъ разъ принялъ онъ меня въ другой комнатѣ, гдѣ всегда была спальня. Сидитъ въ халатѣ; лицо такое маленькое стало, руки исхудали, ногти длинные, сѣдые волосы

по прежнему всклокочены, дышитъ тяжело, съ трудомъ говоритъ. Я здороваюсь очень осторожно.—«Видите, все уложено, все отправлено въ Остафьево—все»... Въ комнатѣ было пусто; только одинъ комодъ стоялъ, и тотъ былъ перевязанъ веревкой, и къ нему приложена печать. «Я вамъ хочу дать палку», говоритъ князь, «какъ это дерево называется?.. Кизиль... возьмите ее... вотъ она въ углу»... Я долженъ былъ подойти къ палкамъ, но этой палки не было. «Какъ досадно», сказалъ князь, «ну я вамъ ее пришлю». Въ этотъ разъ я былъ подготовленъ, былъ спокоенъ, и также спокойно старался проститься и вышелъ, въ послѣдній разъ пожавъ его руку. . . .

. . . . . .

Припоминаю другое время. Мы на островахъ въ Ливадіи, съ княземъ и цѣлымъ обществомъ, слушаемъ хоръ Молчанова; старикъ Молчановъ, когда-то крѣпостной Вяземскихъ, Костромской губерніи, села Краснаго, давній знакомецъ князю: они встрѣчаются, какъ старые пріятели. Князь разспрашиваетъ его о старинныхъ напѣвахъ; Молчановъ, видимо, доволенъ: говоритъ съ оживленіемъ о какомъ-то забытомъ напѣвѣ времень Грознаго... Хоръ его дружно и стройно затягиваетъ старинную пѣсню...

„То пѣснь родного края,
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горести полна“...

Гляжу я на князя и вижу, какъ сильны и глубоки въ немъ русскія струны.

А у насъ, въ Кусковѣ, онъ долго слушаетъ пѣсни цыганъ, которые не только въ молодости увлекали его, и нарочно для него поютъ его любимую пѣсню: «Боръ сырой сказалъ мнѣ сказку, соловей мнѣ пѣсню спѣлъ».

Въ Остафьевѣ, уже послѣ своей болѣзни, когда заниматься въ кабинетѣ было ему трудно, онъ вдругъ пристрастился къ саду, сталъ слѣдить за лѣсомъ, за посадками, подсаживалъ такъ называемую Карамзинскую рощу, проводилъ въ саду дорожки, ставилъ скамейки...

Какихъ только перемѣнъ не былъ я свидѣтелемъ за эти двадцать лѣтъ? Мѣнялись занятія, мѣнялась и обстановка. Быстро превращалось все, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Почтамтская библіотека и портреты относились ко времени занятій историческихъ; почему-то одну зиму прожили въ верхнемъ этажѣ дома бывшаго графа Закревскаго, противъ Исаакіевскаго собора, необычайно высоко. Тамъ появились мужскія и женскія раскрашенныя фигуры и готовились для Остафьевскаго потолка. Постоянно являлся тогда итальянецъ San Giovanni, безъ котораго князь не обходился. Потомъ онъ совершенно исчезъ...

Съ переѣздомъ на Фонтанку началось время «Древней Письменности». Кабинетъ князя вдругъ превратился въ моленную, весь наполнился старинными иконами и пеленами. Появились новые шкафы, но уже съ книгами рукописными, тщательно разставленными въ этомъ шкафу, расположенномъ покоемъ. На стѣнахъ висѣли лубочныя изображенія, отдѣльные листки и пр. Вдоль всей стѣны протянулся краснаго дерева простой шкафъ, въ которомъ помѣщался Остафьевскій архивъ. Тутъ же подъ стекломъ генеалогическія изслѣдованія князя о родѣ Вяземскихъ и составленное имъ родословное древо. По мнѣ, этотъ кабинетъ, а вмѣстѣ и столовая были самыми удачными изъ всѣхъ устроенныхъ имъ помѣщеній. Оригинально было обѣдать среди рукописей и иконъ, покрывавшихъ всѣ стѣны. Этотъ кабинетъ былъ свидѣтелемъ ожив-

[illegible] Управленія до [illegible] необыкновенно [illegible] со- [illegible] этими ком- [illegible] потреб- [illegible] уже пред- [illegible] князь [illegible] величествомъ. [illegible] первой квартиры на Фонтанкѣ князь Павелъ [illegible] я былъ свидѣтелемъ. [illegible] прочиталъ телеграмму, ска- [illegible] на диванѣ. [illegible] совершенно [illegible] Въ тотъ же вечеръ было засѣданіе Общества, и князь присутствовалъ.

Когда вспоминаешь, чего только не было, чего не пережито въ этихъ комнатахъ! Начало всего царствованія... Здѣсь же начались среды, по вечерамъ собирались на чтеніе бумагъ изъ Остафьевскаго архива, за чтеніемъ слѣдовалъ ужинъ; но это продолжалось не долго. Ужины прекратились. Среды перешли къ намъ, а по пятницамъ собирались въ музеѣ Общества. Въ продолженіе нѣсколькихъ зимъ происходили каждую пятницу засѣданія Общества, подъ предсѣдательствомъ князя; эти засѣданія имѣли совершенно исключительный характеръ; несмотря на кажущуюся случайность ихъ, на самое отсутствіе формальностей, засѣданія эти сплошь да рядомъ отличались оживленіемъ, они были занимательны и поучительны. Князь [illegible] о чтеніяхъ, но самъ говорилъ мало. Глядя на него, когда онъ сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ, можно было думать, что онъ мыслью своею отсутствуетъ и относится

ко всему безучастно. Онъ рисовалъ какія-то головки и уходилъ въ себя, но въ то же время онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, изрѣдка вставлялъ свое слово, дѣлалъ замѣчанія, возражалъ, и къ словамъ его внимательно прислушивались. Иногда князь оставался къ ужину, которымъ обыкновенно кончалось засѣданіе. И тутъ онъ сначала, какъ будто нехотя, подходилъ къ столу, садился, гдѣ попало, даже протестуя (особенно въ послѣднее время) противъ ужина. Но кончалось тѣмъ, что онъ бралъ себѣ на тарелку значительныя порціи и благодушно заканчивалъ вечеръ. Сумрачное въ началѣ лицо князя не разъ оживлялось при разсказахъ одного изъ обычныхъ собесѣдниковъ этихъ ужиновъ И. Ѳ. Горбунова—но чаще всего разражался онъ такимъ веселымъ, молодымъ, даже дѣтскимъ смѣхомъ, до слезъ, который опять-таки составлялъ исключительное свойство его натуры.

Князь былъ необыкновенно привѣтливъ и ласковъ съ дѣтьми; онъ позволялъ имъ по себѣ лазить, тормошить и теребить его во всѣ стороны; иной разъ они скатывались съ его плеча до конца ноги. Въ особенности баловалъ онъ второго внука Павла, котораго любилъ поддразнивать, и часто прозывалъ его: «Павлушка мѣдный лобъ». Эта шутка напоминала ему Пушкина, который его прозывалъ точно такъ же. А въ дѣтскомъ альбомѣ князь записалъ: «Павлушка мѣдный лобъ, приличное прозванье, имѣлъ ко лжи большое дарованье». Ту же надпись сдѣлалъ Пушкинъ въ альбомѣ князя.

Не лишена оригинальности поѣздка князя въ Макарьевъ монастырь, на Унжу: онъ былъ командированъ (будучи начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати) въ Унженскій монастырь для осмотра воздуховъ великой старицы Марфы Ивановны. Это было передъ коронаціею, въ министерство графа Игнатьева.

Князь предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ на Унжу; съ нами же поѣхали сынъ его князь Петръ Павловичъ и редакторъ изданій Общества Любителей Древней Письменности П. Н. Тихановъ.

По Унжѣ плыли мы на маленькомъ, чуть-ли не единственномъ тогда пароходѣ, медленно, но довольно покойно. По мѣрѣ удаленія отъ Волги, мѣста становились пустыннѣе; покрытые лѣсомъ берега скользили панорамою. Насъ окружала глушь и тишина; таинственными казались безлюдные, лѣсистые берега. Какъ и всѣ почти древніе монастыри, обитель Макарьевская очень живописна: она поразила насъ своеобразной красотой. Пароходъ остановился у пристани, въ виду монастыря. Въ Макарьевѣ служили молебенъ, осмотрѣли ризницу, обѣдали у архимандрита. Князь былъ бодръ, въ духѣ, и разговорчивъ. За столомъ у архимандрита (который почему-то нѣсколько смутился пріѣзду командированнаго лица), князь былъ очень хорошъ. Разговоръ зашелъ о скопцахъ. Князь, со свойственными ему пріемами, защищалъ скопцовъ и такъ, повидимому, сочувственно выразился о нихъ, что отецъ архимандритъ, въ величайшемъ недоумѣніи, уставился на князя; лицо его выражало испугъ, онъ видимо растерялся... Вообще эта вечерняя трапеза у Макарія на Унжѣ, и въ такомъ обществѣ, была совершенно необычайна. На обратномъ пути осматривали Юрьевецъ Повольскій, ѣздили по церквамъ, ходили въ подземелье, провели вечеръ въ семьѣ полиціймейстера. Князь все время былъ въ духѣ. Ему припоминалось прежнее время, когда онъ былъ попечителемъ въ Казани.

Не менѣе памятна и также пріятна была поѣздка съ княземъ въ томъ же году по пути на Унжу въ его костромское имѣніе, въ село Красное, нѣкогда принадлежавшее Борису

Годунову: тамъ сохранились еще каменныя сооруженія, остатки плотинъ, построенныхъ при царѣ Борисѣ. Отношенія князя съ крестьянами были патріархальныя, тѣ же, что въ Остафьевѣ.

Особенно мнѣ памятенъ день 29 іюня въ Остафьевѣ. Послѣ обѣдни князь изъ церкви возвращался домой и всѣ крестьяне собирались у балкона. Происходило угощеніе, раздавались хлѣбы, выпивали по чаркѣ водки. Всѣ подходили чинно, по очереди. Князь съ ними былъ привѣтливъ и простъ, и они къ нему обращались совершенно такъ же. Безпутный Миронъ-Чижикъ являлся за подаяніемъ; отставной солдатъ, временъ Крымской войны, изъ остафьевскихъ крестьянъ, онъ почти съ дѣтства былъ извѣстенъ князю, какъ горькій пьяница, и отношенія у нихъ были оригинальны. Помню, какъ князь списывалъ самъ со словъ Мирона его стихи;

„Какъ во городѣ во Одестѣ,
На прекрасномъ славномъ мѣстѣ...
Тамъ и Чижикъ былъ!“

Не разъ случалось видѣть князя, сидящаго на балконѣ Остафьевскаго дома, а около него сидитъ въ лохмотьяхъ Миронъ-Чижикъ—и оба молчатъ. Миронъ не иначе называлъ князя, какъ «Филаретъ милостивый».

Случилось однажды, что князь встрѣтилъ мужика, таскавшаго, безъ разрѣшенія, дрова изъ Остафьевской рощи. Увидавъ его, мужикъ до того растерялся, что уронилъ всю охапку. Князь помогаетъ ему подобрать дрова, и говоритъ: «неси скорѣе, а то княгиня увидитъ».

Большую часть дня князь оставался дома; развѣ только, вечеромъ, выходилъ на балконъ, насупротивъ пруда и церкви. Его радовали грачи, никогда не умолкавшіе, и безъ которыхъ трудно представить себѣ Остафьево. Сидѣлъ онъ на креслѣ,

около колонады, близъ старыхъ кустовъ сирени, переполненныхъ шпанскими мухами... Долго могъ оставаться онъ на этомъ балконѣ, особенно въ тихій лѣтній вечеръ; и тутъ какъ-то особенно пріятно бывало въ хорошую минуту съ нимъ разговаривать. Любилъ Остафьево князь Павелъ Петровичъ; и онъ вслѣдъ за отцомъ своимъ могъ бы повторить:

„Здѣсь съ каждымъ деревомъ сроднился, сросся я,
На что ни посмотрю—все быль, все жизнь моя".

Иногда, какъ бывало, зайдешь къ нему; если замѣтишь, что не время, тотчасъ же стараешься удалиться; иногда же онъ васъ зазоветъ остаться, и тутъ начинались разговоры: онъ развивалъ свою мысль, горячился, спорилъ или сообщалъ о вновь прочитанномъ, либо о новой находкѣ, имъ сдѣланной. Въ широкомъ низкомъ креслѣ сидѣлъ онъ, окруженный книгами, бумагами, папками; тутъ и клей, и краски, и чернила, пепельницы и неизмѣнный его толстый березовый портсигаръ; куски разбитой посуды, старое оружіе, персидскіе мѣдные павлины, круглая неуклюжая, вертящаяся этажерка, длинныя хартіи и свитки, и собственныя его писанія, въ видѣ безконечныхъ столбцовъ; альбомы, рукописи, лубочныя картины, стаканъ чая съ окурками и золою, какіе-то портреты, и посреди этой обстановки самъ князь, въ поношенномъ широкомъ сюртукѣ, съ неизмѣнной двойной цѣпочкой и съ знакомыми брелоками, со множествомъ ключей въ жилетѣ, съ цѣлою кипою бумагъ, денегъ, записочекъ въ своихъ бездонныхъ карманахъ... Сколько припоминается хорошихъ впечатлѣній, пріятныхъ бесѣдъ, и какая жизнь была среди этого кажущагося хаоса! Сколько ума, знаній, тонкой наблюдательности, чуткости сердечной; все это переплеталось, соединялось въ его сложной натурѣ, со-

вмѣщавшей необычайную необузданность съ необыкновенно тонкимъ пониманіемъ малѣйшихъ оттѣнковъ мысли и чувства.

Обаяніе князя Павла Петровича было неотразимо, а общеніе съ нимъ для меня, по крайней мѣрѣ, неоцѣненно и живительно. Вѣчная ему память!

Г. С. Шеремотовъ.

С. Михайловское,
15 августа 1888 г.

3 6105 001 319 115

	DATE DUE	

STANFORD UNIVERSITY
STANFORD, CALIFOR
94305